

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1871 г.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, Владимірская, д. № 15.

1871.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ*).

род. 1773 † 1842 г.

Помѣщая на страницахъ „Русской Старины“ изъ общаго семейнаго архива Филадельфа Васильевича Каразина, еще нѣсколько документовъ, знакомящихъ съ дѣятельностью его достойнаго родителя, Василія Назаровича, считаемъ не лишнимъ напомнить нашимъ читателямъ главнѣйшіе факты изъ біографіи этого замѣчательнаго человека.

В. Н. Каразинъ, виновникъ существованія въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія и харьковскаго университета, родился 30 января 1773 г. въ Харьковской губерніи, въ Богодуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кручикѣ, которое дано было его отцу, полковнику Назару Александровичу Каразину, Екатериною II, въ награду за военные подвиги во время турецкой войны, окончившейся славнымъ Жучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. На 10-мъ году возраста лишился своего отца. Находился тогда въ частномъ пансіонѣ, въ Харьковѣ. По собственному побужденію подалъ фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому, — который проѣзжалъ въ то время чрезъ Харьковъ и зналъ его покойнаго отца, — просьбу о принятіи его въ военную службу. Былъ записанъ въ орденскій кирасирскій полкъ, шефомъ котораго былъ графъ. Продолжалъ учиться въ пансіонахъ въ Харьковѣ и въ Бременчугѣ. На 18-мъ году поступилъ на дѣйствительную службу лейб-гвардіи въ семеновскій полкъ, сержантомъ. Закончилъ образованіе

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. II стр. 532 и 1871 г. т. III стр. 16 «Письмо В. Н. Каразина къ имп. Николаю Павловичу, отъ 18-го октября 1826 г. съ приложеніемъ писемъ его же къ имп. Александру I-му и къ гр. В. П. Кочубею 1820 г.»; — см. также въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II, стр. 307: «Польскій вопросъ въ 1839 г.», статья В. Н. Каразина. Ред.

слушая лекціи въ горномъ корпусѣ. Зналъ основательно языки латинскій, французскій и нѣмецкій; на родномъ—писалъ въ 90-хъ годахъ какъ пишутъ теперь. Любилъ особенно естественныя и политическія науки. При Павлѣ хотѣлъ оставить Россію, но былъ задержанъ на границѣ. Получилъ всемілостивѣйшее прощеніе за откровенность признанія, что бѣжалъ отъ строгости правленія. Опредѣленъ къ статскимъ дѣламъ по государственному казначейству. По собственному желанію, высочайше одобренному, занимался разборомъ архивовъ: иностранныхъ дѣлъ и разряднаго въ Петербургѣ и въ Москвѣ для собранія матеріаловъ къ исторіи Россіи вообще и въ особенности исторіи финансовъ и медицины. Матеріалы эти передалъ государственному казначею, за что и былъ награжденъ производствомъ черезъ чинъ.

При вступленіи на престолъ Александра I, Каразинъ подалъ записку о необходимыхъ въ Россіи преобразованіяхъ. Былъ приближенъ къ особѣ государя императора. Пользовался особою монаршею милостію три съ половиною года. Въ это время учреждено, по проектамъ Каразина, министерство народнаго просвѣщенія, пересмотрѣны уставы всѣхъ академій и университетовъ, основанъ новый университетъ въ Харьковѣ на суммы пожертвованныя, по его убѣжденіямъ, мѣстнымъ дворянствомъ и купечествомъ, и предположено еще два: въ Новгородѣ и въ Казани. Въ 1804 году вышелъ въ отставку, замѣтивъ охлажденіе къ нему государя *). Предлагалъ свои услуги на пользу Сербовъ, которые искали тогда покровительства Россіи. Получивъ отказъ, удалился на свою родину и предался любимымъ своимъ за-

*) Къ охлажденію этому не мало содѣйствовали такія, наприимѣръ, вещи: читается на одномъ изъ эрмитажныхъ литературныхъ вечеровъ трагедія Шиллера «Донъ-Карлосъ»—съ боку раздается въ полголоса, но такъ, чтобы государь слышалъ: «и у насъ уже являются маркизы де-Поза» (намекая этимъ на податливость государя къ мнѣніямъ Каразина, подобно какъ Донъ-Карлосъ былъ податливъ къ мнѣніямъ маркиза де-Поза). Или: посылается Каразинъ по секретному порученію въ Калугу, государь ему туда пишетъ; по возвращеніи встрѣчаютъ его словами: «а, ты уже хвастаешься всѣмъ моею съ тобою перепиской!»—а Каразинъ и не думалъ ею хвастаться, ни съ кѣмъ даже не говорилъ о ней и самъ удивленъ былъ въ Калугѣ тѣмъ, что письмо привезено ему было на квартиру самимъ почтмейстеромъ, явившемся въ полной формѣ, между тѣмъ какъ ни почему, кромѣ развѣ печати, нельзя было догадаться отъ кого письмо было. Или: «по моему, ваше величество, это есть вѣрнѣйшее средство нажить 5 милліоновъ враговъ и возбудить противъ себя мнѣніе всей цивилизованной Европы»,—замѣчаетъ совоспитанникъ царскій, по поводу поданной Каразиннымъ записки о присоединеніи униатовъ къ прежней ихъ церкви;—и записка оставляется безъ послѣдствій, а Каразинъ терпитъ довѣріе, и много подобныхъ случаевъ было.

Ред.

22

нѣтіямъ: домоводству и естественнымъ наукамъ, въ особенности химіи. Далъ своимъ крестьянамъ неотъемлемую собственность и обезпечилъ ихъ личность отъ помѣщичьего произвола. Устроилъ въ селѣ кожевенный и селитроваренный заводы на новыхъ началахъ, открытыхъ ему наукою. Учредилъ въ Харьковѣ филотехническое общество, высочайше одобренное въ 1811-мъ году, имѣвшее цѣлію развитие въ полуденномъ краѣ Россіи земледѣлія и промышленности.хлопоталъ объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ европейской и азіатской Россіи метеорологическихъ обсерваторій для приведенія метеорологіи въ науку точную, полезную въ общежитіи; предлагалъ приспособленіе паровъ къ движенію судовъ на простѣйшихъ началахъ, а также къ отопленію домовъ. Заботился и словомъ и дѣломъ: о сбереженіи лѣсовъ; о дешевѣйшемъ храненіи зернового хлѣба; о продовольствіи армій и флотовъ, во время походовъ, концентратами съѣстныхъ припасовъ, не подвергающимися порчѣ и требующими весьма мало мѣста; о тушеніи пожаровъ примѣсю въ воду химическаго состава, очень недорого стоящаго; объ очищеніи рѣкъ въ городахъ самымъ простымъ способомъ; объ улучшеніи винодѣлія, и проч. — Скончался въ Николаевѣ, возвращаясь изъ Крыма (гдѣ дѣлалъ опыты новаго способа винодѣлія) въ Харьковъ, 4 ноября 1842 года. Былъ женатъ на внукѣ писателя дѣяній Петра Великаго, Ив. Ив. Голикова, падчерицѣ перваго свекло-сахарнаго заводчика въ Россіи инженеръ-генералъ-маіора Бланкеннагеля, Александръ Васильевъ; имѣлъ многихъ дѣтей, изъ которыхъ нынѣ находятся въ живыхъ только трое: дочь, живущая въ Харьковской губерніи, Пелагея Васильевна и два сына, Филадельфъ Васильевичъ, живущій въ Петербургѣ и Николай Васильевичъ, живущій въ Москвѣ.

Вслѣдъ за нашей замѣткой о жизни В. Н. Каразина — считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько строкъ, сообщенныхъ намъ Ф. В. Карзиннымъ. Строки эти, вызванныя нѣкоторыми критическими отзывами, помѣщенными въ газетахъ по поводу письма В. Каразина 1826 г. („Русск. Стар.“ 1870 г., т. II, стр. 532 и 1871 г., т. III, стр. 16). объясняютъ сущность взгляда В. Н. на проектированное имъ государственное устройство Россіи. Вотъ замѣтка Ф. В. Каразина:

„Въ природѣ проявляются, вездѣ и во всемъ, двѣ силы, одна другой противоположны: одна притягиваетъ къ себѣ все, другая отталкиваетъ; одна положительная, другая отрицательная; плюсъ и минусъ; кислородъ и азотъ; жаръ и холодъ; свѣтъ и тьма.

„Серѣдка между этими двумя силами, между этими двумя крайностями, точка ихъ уравновѣшенія, производитъ правильное

движеніе. Уклоненіе въ ту или другую сторону гибельно: тѣло летитъ или въ бездонную пропасть, или въ недосыгаемую высь. И замѣчательно что дѣйствіе, производимое обѣими крайностями, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ, однокачественно: металлъ, снятый съ огня и съ трескучаго мороза — одинаково жжетъ безвѣріе и суевѣріе — одинаково вредны для обществъ.

„Въ политическомъ отношеніи крайности суть: деспотизмъ и анархія; безграничность единовластія и необузданность воли каждаго гражданина; Іоаннъ Грозный и Робеспьеръ съ компаніей. Серѣдка, политическая истина: монархія, опирающаяся на общественное мнѣніе.

„Этой серѣдки придерживался В. Н. Каразинъ отъ начала своего политическаго поприща и до конца жизни. И за это его называли, и до сихъ поръ, — уви! — называютъ въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ двойственнымъ и даже забавнымъ....

„Онъ былъ убѣжденъ, что соединеніе самостоятельности власти съ свободою каждаго выражать свое мнѣніе — возможно; что это есть единственная форма правленія, обеспечивающая благоденствіе страны*). А при такомъ убѣжденіи нельзя было не считать гибельнымъ для страны всякое сопротивленіе установкѣ такого правленія. Вотъ почему онъ одинаково возставалъ и противъ произвола власти и противъ ея раздробленія. Къ послѣднему стремились тайныя общества, которыя онъ и называлъ злокозненнымъ духомъ, парившемъ надъ Россіей, и считалъ святою обязанностію каждаго добраго гражданина противудѣйствовать ему.

„Гдѣ-же тутъ двойственность?!!

„Въ чемъ же тутъ забавность?!!

Ф. Каразинъ.

*) Нѣтъ сомнѣнія, что идеалъ правленій есть республика, но только (бездѣлица!) — тамъ, гдѣ послѣдній земледѣлецъ можетъ, по образованію, быть самъ президентомъ.

Ф. Каразинъ.

Поправки. Считаю не лишнимъ оговорить слѣдующія маленькія погрѣшности, нами замѣченныя въ статьѣ В. Н. Каразина: «Рус. Стар.» 1871 г. т. III стр. 16 (въ примѣчаніи) вмѣсто: «не считать справедливымъ» должно быть: «не отдать справедливости». Стр. 17, на предпоследней строкѣ, вмѣсто «раздается», б. — «раздастся». Стр. 31 (въ примѣчаніи) вмѣсто: «абата Николая» д. б. — «абата Николая». Стр. 33, отъ верху 14 строка, вмѣсто: «сдѣлаются» д. б. — «дѣлаются». Стр. 34, отъ верху 11 строка, вмѣсто: «Совѣтъ», д. б. — «совѣтъ» Стр. 35, пятую строку соединить съ шестю.

Ред.

22*

I.

Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи.

Разсужденіе, читанное В. Н. Каразинымъ въ собраніи С.-Петербургскаго общества любителей словесности.

1-го марта 1820 года *).

Россія, отечество наше, отечество двадцати различныхъ племенъ, слившихся кровь свою въ единый народъ, счастливо соединенныхъ подъ одною державою, идетъ быстрыми шагами къ просвѣщенію: общей цѣли человѣческаго рода. Конечно, ея правительство есть то орудіе Провидѣнія, которому мы должны предоставить наибольшее, наиважнѣйшее въ себѣ участие. Но не обязаны ли и мы ему вспомоствовать?... Кто станетъ утверждать противное, тотъ въ душѣ своей рѣшительно отрицаетъ у насъ сладкія обязанности гражданина и сына отечества.

Два главнѣйшія средства есть для распространенія и утвержденія началъ, соотвѣствующихъ просвѣщенію. Первое: воспитательныя и учебныя заведенія; второе: общественное, т. е., публичное наставленіе. Сіе послѣднее лишь совмѣстно съ возможностью частныхъ людей; ибо вліяніе ихъ на упомянутыя заведенія, при мощномъ и непрерывномъ вліяніи правительства, едва ли что можетъ значить. Но публичное наставленіе совершается съ большимъ уже приличіемъ служителями вѣры въ храмахъ ея, учеными въ издаваемыхъ ими книгахъ. Выраженію ученыхъ, я даю здѣсь все пространство французскаго слова: *homme de lettres*. Ученые, для совокупнаго дѣйствія, составляютъ изъ себя сословія, повсюду просвѣщенными правительствами допускаемыя.

Мысль, что мы должны имѣть ученые общества и ученныя повременныя изданія, какъ другіе образованные народы ихъ имѣютъ, слишкомъ неопредѣленна! Я желалъ бы знать, каковымъ, въ настоящемъ положеніи нашемъ, должно быть этимъ обществамъ, этимъ изданіямъ, для достиженія цѣли?... Всякій видитъ, что онѣ, т. е. первыя, чрезъ послѣднихъ должны дѣйствовать на общественное мнѣніе.

Къ величайшему нашему счастью у насъ, россіянъ, мнѣніе это об-

*) Въ письмѣ В. Н. Каразина къ императору Николаю I, помѣщенному во II-мъ томѣ «Русской Старины», упоминается объ этомъ разсужденіи (см. стр. 535); почему и считаемъ нужнымъ представить его нашимъ читателямъ, какъ необходимое къ тому письму приложение. Настоящій документъ, какъ и всѣ находящіеся въ распоряженіи «Русской Старины» бумаги Каразина — сообщены намъ почтеннымъ его сыномъ, Ф. В. Каразинымъ. Ред.

разуется въ такомъ вѣкѣ, который ясно открываетъ послѣдствія различныхъ системъ вѣковъ прошедшихъ. И сіе общественное мнѣніе, если оно составитъ вполне, тѣмъ будетъ чище, тѣмъ спасительнѣе, что оно начало образоваться въ высшихъ классахъ народа. Достойнѣйшее духовенство, военные и гражданскіе чиновники, служащіе правительству, помѣщики, лучшее купечество, благовоспитанные художники: не чернь, собирающаяся изъ питейныхъ домовъ на площади, какъ въ Англіи и Франціи, будутъ у насъ имѣть голосъ. Посему, любимыми основаніями нашихъ писателей (независимо даже отъ личныхъ началъ ихъ) не могутъ быть ни мнимыя права человечества, ни свобода совѣстей, столько препрославленные и столько во зло употребленные въ XVIII вѣкѣ. Порядокъ, естественная зависимость одного состоянія отъ другого, взаимныя ихъ должности и услуги, добрыя нравы для всѣхъ, постепенное просвѣщеніе по приличію каждаго состоянія: просвѣщеніе, непосредственно дѣйствующее на пользу каждаго, а не устремляющее духъ въ гаданія—таковы будутъ политическіе предметы наши! Въ счастію, иные и по всѣмъ прочимъ обстоятельствамъ не возможны. Если бы легкомысліе усиливалось производить, а учрежденный за нимъ надзоръ могъ допускать сочиненія въ другомъ духѣ; то это станетъ имъ рукоплескать?.. *). Съ другой стороны, святая привычка, наслѣдованная нами отъ нашихъ предковъ, привычка уважать старѣйшихъ, не совѣтъ еще изглажена чужеземнымъ воспитаніемъ и чужеземными обычаями. Супружескія и родственныя связи составляютъ еще предметъ общаго почтенія. Религія никогда еще не была у насъ публично оскорблена. По каковымъ причинамъ, необузданность юношеская, сколь великою ея ни предполагать при нерадивомъ иногда, или при лицемерномъ воспитаніи (ибо и то, и другое одинакія слѣдствія производить!) не можетъ имѣть у насъ никакого вліянія на общественное мнѣніе.

Изъ сего слѣдуетъ, что вольныя наши общества, если только онѣ хотятъ значить нѣчто и дѣйствовать, по необходимости должны быть составлены изъ людей ума зрѣлаго, или, по крайней мѣрѣ, неспорченнаго, допускающаго благонамѣренное вліяніе на себя просвѣщенной опытности. Другое условіе, которое также истекаетъ изъ

*) *Ergunt verba et voces, praeterrelaque nihil.* Я иногда дивлюсь статьямъ нашихъ журналовъ. Готовъ побожиться хотя, что это дѣлается безъ всякаго намѣренія: а такъ! просто по нашей (русской привычкѣ) копировать иностранныхъ. Сюда принадлежитъ прославленіе разныхъ американскихъ областей, ихъ конституцій, и т. д. Подумали бы хоть разъ эти господа, кому у насъ адресуютъ свои они восклицанія?... Наши Санкюлоты читать не умѣютъ.

В. Караянъ,

обстоятельствъ: нужно, чтобъ люди сіи имѣли познанія. И Ломоносовъ имѣлъ ихъ, уже въ первой юности нашей литературы! Но теперь, когда публика требуетъ замятій, болѣе мужественныхъ, нежели мадригалы и вздохи сказочныхъ любовниковъ, какое впечатлѣніе произведемъ мы на нее поэзіею, которая только что поэзія; прозою, которая не представляетъ уму никакихъ новыхъ полезныхъ истинъ? Подобно, какъ соглашаюсь, чтобы такъ-называемыя легкія стихотворенія и переводы невинныхъ романовъ были забавою домашнихъ бесѣдъ, игрою изощряющею умъ для произведеній болѣе важныхъ; подобно, я охотно допускаю дружескія собранія молодыхъ людей, провождающихъ вечера во взаимномъ себѣ упражненіи, въ правилахъ и тонкостяхъ словесности. Но... выносить въ публику, какъ бы въ наставленіе ея, переводъ пустой повѣсти, или нѣсколько строкъ заостренныхъ римою *), верхъ достоинства коихъ то, что онѣ писаны не противъ грамматики, кажется мнѣ столь же непростительнымъ, какъ и сословія публичныя, утвержденныя правительствомъ, употреблять на распространеніе такого дѣтства. — Нѣтъ, мм. гг., сіи почтенныя сословія должны имѣть возвышеннѣйшую цѣль. Онѣ должны дѣйствовать на сердца, на умы согражданъ своихъ. Онѣ должны вспомоществовать, соревновать заведеніямъ, на сіе отъ державной власти устроеннымъ; скажу болѣе: онѣ должны стараться превзойти ихъ въ дѣятельности буде возможно, стараться вознаградить, если что ими упускается. Отважившись на себя обратить вниманіе цѣлаго отечества, 50-ти губерній, 50-ти ц а р с т в ъ можно сказать: ибо есть царства Европы, уступающія и пространствомъ и числомъ народа одной изъ губерній российскихъ; особливо, дѣйствуя изъ столицъ, каковы: Москва и С.-Петербургъ, изъ средоточія нашего правительства, законовъ, людности, просвѣщенія,—общества сіи могутъ ли посрамить себя. Не обязаны-ль онѣ разливать полезныя знанія, образовывать вкусъ, дѣйствовать на нравы? Сколько вызововъ представляется къ сношеніямъ между собою отдаленнѣйшихъ, другъ другу неизвѣстныхъ краевъ обширной имперіи! Сколько въ ней любопытнаго, заслуживающаго быть извѣстнымъ, е намъ только однимъ, но и чужестранцамъ, готовымъ немедленно воспользоваться нашими новостями, еслибъ онѣ явились! Сколько побудительныхъ причинъ!.. Какъ, мм. гг., науки естественныя, домоводство, искусства, издѣлія всѣхъ родовъ у насъ младенчаютъ въ сравненіи съ тѣми, что мы видимъ у прочихъ народовъ, у сѣвероамериканцевъ даже, которые не составляли еще и народа тогда, какъ мы имѣли уже Екатерину! — А у насъ, въ цѣлой Россіи, нѣтъ ни од-

*) Выраженіе А. С. Хвостова.

ного періодическаго сочиненія для всѣхъ оныхъ предметовъ, столько необходимыхъ, сколько занимательныхъ! Дворянство, живущее въ деревняхъ, тщетно обращаетъ взоры свои на обѣ столицы; добрые горожане отдаленныхъ уѣздовъ, не имѣя библиотекъ, ждутъ почты съ журналами нашими, какъ путникъ въ томящій зной зачерпнутой изъ ключа воды.—А мы будемъ преподавать всѣмъ имъ шарады на гор—охъ *), соблазнительныя элегіи и стишки въ альбомы!... преподавать не стыдась; и называться соревнователями просвѣщенія!.. Позвольте мнѣ думать лучше о сословіи, которому мы дали такое имя, такія правила, которое поручили такому у покровительству; въ которое мы пригласили членовъ, каковъ знаменитый нашъ историографъ, въ которое готовы вступить люди, извѣстные по своимъ знаніямъ, которое, напослѣдокъ, существуетъ въ столицѣ, обращающей на себя взоры исполненной нашей Россіи и другихъ земель **).

Весьма справедливо, мм. гг., сравниваютъ жизнь царствъ, жизнь человѣчества вообще, съ жизнію человѣка въ отдѣльности. Младенецъ требуетъ игръ, юноша забавъ, а мужъ радостей другого рода. Въ XV и XVI вѣкахъ предѣлы словесности, въ собственномъ смыслѣ, весьма рѣзко отдѣлялись отъ учености. За то, ученость эта отзывалась съ каедръ и въ книгахъ самымъ суровымъ образомъ. Надменная ея, нахмуренная физиогномія ужасала, между тѣмъ какъ смѣющіяся музы бесѣдовали приторнымъ языкомъ о бездѣлицахъ. Здѣсь должно было встрѣчать одни цвѣты, тамъ одни тернія. Но съ тѣхъ поръ, какъ научились о самыхъ важныхъ, отвлеченнѣйшихъ вещахъ, говорить пріятно, когда блескъ краснорѣчія и безцѣнные перлы поэзіи начали одѣвать философію, собственно такъ-называемая словесность, словесность безъ цѣли, мало привлекаетъ. Это орудіе, а не предметъ искусства: краски, не картина! Такъ и быть должно въ настоящее время, въ вѣкъ возмужалости.

Вмѣсто того, чтобы описывать въ десяти тысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ тѣ же дарованія, тоже счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные. Взявъ за образецъ Бюффона, вмѣсто путешествій небывалыхъ, опишемъ лучше путешествія, дѣйствительно совершенныя въ нѣдрахъ отечества нашего. Исчислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ

*) Т.-е. горохъ. См. Соревнователь 1819 г., кн. XI, стр. 103. В. Караякинъ,

**) Одинъ изъ почтеннѣйшихъ мужей въ государствѣ, попечитель нашъ графъ В. П. Кочубей, сказалъ при поднесеніи ему нами адреса: «Отъ васъ, милостивые государи, совершенно отъ васъ зависитъ быть полезными и обществу ваше сдѣлать значительнымъ въ самой большой мѣрѣ!... И я готовъ буду вамъ вспомоществовать!» Какой совѣтъ въ короткихъ, скромныхъ словахъ! В. Караякинъ.

правы ея разнообразныхъ обитателей, отъ кочующаго на льдахъ полярныхъ чукчи, до индѣйца, благоговѣнно поклоняющагося бакинскому огню. Или съ Тацитомъ и Карамзинимъ испытаемъ углубиться въ исторію народовъ. И такъ далѣе... Прекрасныя начала къ сему у насъ сдѣланы въ нѣсколькихъ книжкахъ „Соревнователя“ 1818 и 1819 годовъ. Немногіе еще въ Россіи бесѣдовали о наукахъ языкомъ, имъ соотвѣтствующимъ, и притомъ привлекательно: другое, особливо для насъ, россіянъ, необходимое условіе! Помѣщая же иногда, разнообразія ради, другіе отрывки, или и повѣсти, сочиненныя или переведенныя (хотя бы то было изъ первѣйшихъ авторовъ!), прежде всего разсмотримъ, точно ли они ведутъ къ вышеизъясненной цѣли? Да и переводы могутъ ли служить образцами въ своемъ родѣ? Ибо мы должны дѣйствовать и на языкъ.

Для поэзіи же какое поле передъ нами!... Пора перестать быть подражателями только. Ломоносовъ, Державинъ, малое число извѣстныхъ новѣйшихъ драматиковъ и баснописцевъ указали намъ богатство отечественныхъ рудъ, у самаго лишь входа къ нимъ, такъ сказать. Сдѣлаемъ изъ языка боговъ *) достойное употребленіе! Вмѣсто того, чтобы нѣжить, баловать воображеніе людей праздныхъ, не лучше-ль испытать рукою грацій разбудить въ сердцахъ любовь къ наукамъ, къ должностямъ, къ изящной простотѣ во вкусѣ и нравахъ, къ жизни въ городахъ и селахъ, свойственной просвѣщенному чело-вѣку, къ истинной благотворительности во всякомъ кругу дѣйствія **)? У самихъ васъ, мм. гг., я видѣлъ уже прелестнѣйшіе образцы въ семь родѣ. Какая-нибудь басня Ѳ. Н. Глинки ***), какая-нибудь идиллія В. И. Панаева, нѣсколько сценъ изъ трагедіи Б. М. Оедорова****), которыя имѣлъ я удовольствіе слышать, въ ожиданіи появленія въ свѣтъ ихъ цѣлаго, бывъ какъ цвѣты разбросаны среди другихъ статей нашего журнала, украсятъ его конечно, и вмѣстѣ будутъ соотвѣтствовать благородной цѣли, которую мы имѣть должны. Не считайте меня педаантомъ, мм. гг., съ сѣдыми моими волосами охуждающимъ то, что меня самого восхищало въ молодости, школьною своею

*) Такъ называли въ древности поэзію.

В. Каразинъ.

**) Рѣдко можно благотворить деньгами; а еще рѣже одними деньгами.

В. Каразинъ.

***) Наприм.: Дитя и птичка. 1819 г. кн. VII, стр. 89. Равно и въ прозѣ неужели, наприм., письмо г. Лажечникова, которое печатается во II книжкѣ 1820 г. или сцены изъ комедіи г. Загоскина: Добрый-малый, которыя были читаны въ собраніи, менѣе занимательны для самаго воображенія, нежели иной помѣщенный у насъ романъ?

В. Каразинъ.

****) Смерть Кесарева. Авторъ въ ней обнаруживаетъ не республиканскія начала, и весьма удачно состязуется съ Вольтеромъ.

В. Каразинъ.

фермею разгоняющимъ Эротовъ, опрокидывающимъ чаши Анакреоновъ, смѣшно возстающимъ на новыхъ Овидіевъ и Тибулловъ. Никто изъ нихъ не возбраняетъ писать элегіи и прельщать ими Коринны. Но позвольте усумниться въ томъ, что ежели бы при Августѣ или Траянѣ Римъ имѣлъ періодическія сочиненія, и при томъ издаваемыя обществомъ, удостоеннымъ покровительствомъ государя, элегіи тѣ нашли въ нихъ мѣсто *).

Будемъ все читать здѣсь на вечернихъ нашихъ бесѣдахъ: но печатать станемъ только обдуманное, только прямо полезное! Сдѣлаемъ даже распредѣленіе, чѣмъ кто изъ насъ долженъ заняться на сей конецъ.

Я сокращаю мои разсужденія, мм. гг., сказавъ, что нашъ Соревнователь долженъ быть, кажется, издаваемъ на другихъ правилахъ. Работая два мѣсяца въ комитетѣ, имъ исключительно занимающимся, я нашелъ по собственнымъ опытамъ, что никакимъ образомъ невозможно его улучшить въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей. Почему и беру теперь смѣлость предложить о назначеніи нѣсколькихъ (не болѣе трехъ, если можно) избранныхъ особъ, для составленія плана на будущее время, который бы больше соотвѣтствовалъ первымъ двумъ статьямъ высочайше утвержденнаго устава нашего.

Василій Карзинъ.

Примѣч. Считаю не лишнимъ замѣтить, что В. Н. Карзинъ въ эпоху составленія «разсужденія» былъ помощникомъ предсѣдателя въ томъ самомъ обществѣ любителей «русской словесности», дѣятельность котораго онъ близко принималъ къ сердцу.

Ред.

II.

Письмо В. Н. Карзина къ Слободско-Украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину, отъ 30 января 1810 г., изъ Москвы.

Въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашего превосходительства отъ 12-го октября прошедшаго года, вы изволили требовать отъ меня увѣдомленія: „какимъ образомъ повинности съ поселянъ моихъ, мнѣ, какъ помѣщику, слѣдующія, обращены въ денежный счетъ, и какія по сему установлены мною однажды навсегда правила?“

На письмо это я имѣлъ честь отвѣчать немедленно, не удовлетворивъ однакожъ вашему требованію, а покорнѣйше просилъ только

*) Не имѣю кажется нужды оговаривать, что я не всѣ элегіи, даже и не всѣ шарady желаю отклонить отъ помѣщенія въ нашемъ журналѣ. Дѣло только въ томъ, чтобъ онѣ строго соотвѣтствовали цѣли В. Карзинъ.

повременить пока я, какъ человѣкъ обремененный, по положенію моему, домашними суетами, найду довольно досуга, чтобъ написать сіе увѣдомленіе, которое съ подробностями своими можетъ быть обширно: ибо оно содержитъ въ себѣ весь образъ моихъ мыслей о помѣщикахъ и поселянахъ, на которомъ основаны мои сельскія учрежденія.

По случаю бытности моей теперь въ Москвѣ, имѣя довольно свободнаго времени, я обязанностію поставляю не медлить болѣе исполненіемъ моего долга; но прошу простить меня, м. г., если мое письмо перейдетъ предѣлы письма обыкновеннаго.

Славная задача с.-петербургскаго вольнаго экономическаго общества, предложенная въ 1766 году: „что полезно для общества: чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственность землю, или только движимое имѣніе? И какъ далеко его права на то или другое имѣніе простирались должны?“ будетъ моимъ предметомъ, ибо она болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшена на моемъ имѣніи.

Признаюсь вашему превосходительству, что задача эта занимала меня отъ самой моей молодости, когда я, въ 1792 году, вступилъ въ управленіе наслѣдственнаго мнѣ имѣнія, пожалованнаго императрицею Екатериною II моему покойному отцу. Но мысли мои, въ то время, были весьма различны отъ нынѣшнихъ. Я не избѣжалъ тогда соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, который не только до губерніи нашей, но и до глубины самой Сибири простеръ свое вліяніе на молодые умы. Естественнo было поколебаться всѣмъ намъ, воспитаннымъ въ началахъ осьмнадцатаго вѣка. Обманутое воображеніе наше носилось тогда въ мечтательномъ мірѣ, который не былъ, и едва-ли когда можетъ быть дѣйствительнымъ: въ мірѣ, который предполагаетъ людей совершенными, слѣдовательно достойными вольности неограниченной и власть дѣлаетъ только выраженіемъ общей воли. Разсѣялась сія мечта для всѣхъ,—и для меня. Власть, въ умахъ самыхъ предубѣжденныхъ противъ нея, стала тѣмъ, чѣмъ была она искони, т.-е. однимъ изъ первѣйшихъ средствъ, Провидѣніемъ употребляемыхъ для всевозможнаго счастья на сей землѣ;—не выраженіемъ общей воли (которая прямо общаю никогда быть не можетъ), но изліяніемъ самого Божества, которое на единоначаліи и нисходящей подчиненности основало всю природу (начиная отъ системъ солнечныхъ и до роевъ пчелиныхъ), подчинивъ въ свою очередь единоначаліе: въ механикѣ небесной законамъ своей верховной мудрости, въ обществахъ человѣческихъ законамъ разума и совѣсти, и въ средѣ животныхъ безсловесныхъ законамъ инстинкта. Но какъ въ человѣкѣ разумъ и совѣсть могутъ быть затемняемы страстями,

то и надлежитъ законы, диктуемые первыми, облечь въ форму ненарушимаго завѣта, подъ сѣнію котораго единоначаліе и становится идеаломъ общественнаго управленія. Диктаторство, въ критическихъ обстоятельствахъ республикъ, подтверждаетъ эту истину; да и самые президенты Американскихъ Штатовъ, напримѣръ, не суть-ли тѣже монархи? названіе не переимѣняетъ существа вещи; вся разница только въ большей или меньшей продолжительности одной и той же верховной власти и въ способѣ ея осуществленія. Но, спрашивается: почему правтика, продолжающаяся 2—3 года, лучше правтики продолжающейся 20—30 лѣтъ? и почему случайно избранный, неподготовленный къ своему дѣлу, лучше наслѣдственнаго, сколько возможно подготовленнаго къ оному? Мы никогда лучше не дѣйствуемъ къ общему благу, какъ когда оно есть вмѣстѣ и наше собственное; поэтому, воля единовластнаго монарха, осѣненнаго скрижалей законовъ разума и совѣсти, не можетъ быть иная, какъ токмо клонящаяся къ пользѣ его подданныхъ. Зависть и корысть, эти основныя страсти, не могутъ имѣть мѣста въ лицѣ, поставленномъ выше всѣхъ и вполне обезпеченномъ въ матеріальной жизни; между тѣмъ какъ онѣ невольно разгораются въ кругу цѣлаго сонма людей, поставленныхъ будто бы на стражѣ благосостоянія другихъ и которые, однакъ, сами безпрерывно стремятся, наперерывъ другъ передъ другомъ, стать выше всѣхъ и быть наиболѣе обезпеченными въ житейскихъ потребностяхъ. Для узнанія же общественныхъ нуждъ, такъ какъ никакой смертный не можетъ въ одно и тоже время самъ пропнзвать всюду, достаточно въ помощь единовластію дать общественное мнѣніе, т.-е. свободу всякому выражать свое воззрѣніе на вещи,— не въ парламентахъ и на площадяхъ, представляющихъ обширное поле страстямъ, а въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ и въ скромныхъ бесѣдахъ въ печати. Таково убѣжденіе, укрѣпившееся во мнѣ особенно послѣ воцаренія нынѣшняго нашего, возлюбленнѣйшаго монарха; и по всему видимому, это убѣжденіе сдѣлалось теперь, къ счастью, убѣжденіемъ и большинства моихъ соотечественниковъ.

Но по истинѣ должно удивляться, что нѣкоторые слѣды прошедшаго изступленія имѣютъ еще и по нынѣ мѣсто. Люди, впрочемъ почтенные, признавая необходимость монархіи въ большихъ массахъ, продолжаютъ отвергать оную въ малыхъ, изъ которыхъ первые состоятъ! Какъ будто могутъ быть, въ одномъ и томъ же отношеніи вещей между собою, начала различныя?... Политическія истины, коль скоро онѣ таковыми признаны, необходимо должны быть повсюду и во всѣхъ приложеніяхъ истинами, подобно какъ и физическія. Признавать, что монархи, а не національные конвенты нуж-

ны для большихъ обществъ, государствами называемыхъ, — видѣть, что единоначаліе есть то, что утверждаетъ домашнее счастье семействъ, или малыхъ обществъ, и въ то же время воображать, якобы общества селеній, образующихъ средній разрядъ между обѣими, — составляя царства и заключая въ себѣ частныя семейства, — якобы сіи общества могутъ быть на республиканскихъ началахъ, это совершенно тоже, какъ притягательную, на примѣръ, силу признавать въ солнцѣ и въ мелкихъ частяхъ, изъ которыхъ состоятъ обращающіяся кругомъ него планеты, и отвергать ее въ цѣломъ составѣ каждой планеты!... Въ государствѣ монархическомъ, всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія; одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь; и—слѣдовательно: помѣщики, для благосостоянія селеній земледѣльческихъ, столько же нужны, сколько монархи для подданныхъ вообще, и также точно дѣйствія помѣщиковъ должны быть направляемы законами, начертанными для нихъ властію верховною.

Если доказано, что ни въ какомъ случаѣ наемникъ не можетъ быть пастыремъ и приставъ радѣть съ усердіемъ хозяина о добрѣ, въ которомъ онъ лично не участвуетъ, то слѣдуетъ само собою, что казенныя селенія земледѣльцевъ не могутъ, подъ вліяніемъ временныхъ, никакими узами съ ними несоединенныхъ начальниковъ, столько содѣйствовать къ благосостоянію государства монархическаго, сколько управляемые помѣщиками. Управление первыхъ, какъ оно ни усовершенено со времени учрежденія губерній, таково-ли, что оно наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ счастью, выгодамъ имперіи, и меньше затрудняетъ правительство? Поощряетъ-ли оно ихъ къ трудолюбію, способствуетъ-ли дѣятельно къ хозяйственнымъ ихъ оборотамъ, украшаетъ-ли села полезными для человѣчества заведеніями, защищаетъ-ли отъ притѣсненія сосѣдей? Не видимъ-ли мы примѣровъ, что сколь ни малъ оброкъ казенныхъ поселянъ въ сравненіи съ получаемымъ помѣщиками, оный, при всей строгости земской полиціи, ежедневно представляетъ большія недонимки? Ибо всякое хозяйство, безъ главнаго надзора и раздѣленія работъ, безъ знанія, которое бы имъ распоряжало, упадаетъ. Природная человѣку лѣньность, во всѣхъ состояніяхъ, дѣлаетъ его равнодушнымъ къ тѣмъ пользамъ, которыя сколько-нибудь отдалены. И сія лѣньность одолеваетъ особливо человѣка непросвѣщеннаго, ибо потребности его ограниченнѣе, грубыя же его страсти скорѣе способны возбудить вредную дѣятельность, чѣмъ полезный трудъ. Простолудинъ, не бывъ управляемъ, едва можетъ и въ самыхъ счастливыхъ климатахъ приобрѣсть самое необходимое для своего существованія и для удовлетворенія (и то не безгрѣшнаго)

государственнымъ повинностямъ. Справедливость этого доказывается между прочимъ тѣмъ, что у насъ въ Россіи ярманки снабжаются произведеніями преимущественно отъ помѣщичьихъ людей; казенные поселяне бывають промышленными развѣ только при берегахъ судоходныхъ рѣкъ и на большихъ дорогахъ; и промышленность эта отнюдь не есть трудолюбіе, а скорѣе жадность къ корысти, неприносящая государству истиннаго добра: предметами оной не добываніе изъ матери земли, а перекупка хлѣба, заведеніе харчевень, и т. п. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ упомянутые поселяне наибольшую частію предаются скитающейся жизни, вздорнымъ тяжбамъ, или пьянству. Я смѣло ссылаюсь на самого васъ, м. г., и на губернаторовъ всѣхъ прочихъ губерній.

Скажутъ мнѣ: стѣитъ только просвѣтить земледѣльца, — и онъ будетъ умѣть самъ хорошо вести хозяйство безъ помощи чужой опеки. Просвѣтитъ! легко сказать, но не легко сдѣлать. Какія средства и какое время на сіе потребны? А пока, что дѣлать?...

Обращаюсь къ упомянутой задачѣ вольнаго экономическаго общества: „полезны-ли, чтобъ крестьянинъ имѣлъ свою собственную землю“, и пр. Предположимъ, что сіе полезно. Что же послѣдуетъ изъ такого разрѣшенія вопроса? Надлежитъ дать всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ особую, отдѣльную отъ помѣщичьей землю. Какъ же это сдѣлать? Неужели сіе благодѣяніе земледѣльцамъ, быть можетъ еще только мнимое, а не истинное, начать истинною несправедливостію: отнятіемъ земель у помѣщиковъ? Благоразумное правительство коснется-ли священнаго права собственности, позволить-ли себѣ такое явное отступленіе отъ началъ, на которыхъ въ обществахъ человѣческихъ все основано? А купить эти земли, — откуда возьметъ оно на это денегъ? Надѣлать ассигнацій? Но чѣмъ ихъ гарантировать? Трудомъ тѣхъ же поселянъ? Но въ какое тяжелое положеніе будутъ они этимъ поставлены!... Или, оставивъ помѣщикамъ дошедшее отъ предковъ ихъ достояніе, правительство позволить ихъ поселянамъ удалиться въ степи, которыя имъ предложить? Но возможно-ли это? И что же будутъ дѣлать помѣщики со своими землями, обращенными въ пустыни?... Вотъ въ какой безвыходный лабиринтъ ведетъ сія задача, съ перваго взгляду мудрая и человѣколюбивая!..

Вопросъ: полезно-ли имѣть земледѣльцу свою собственную землю, — весьма подобенъ слѣдующему: „полезно-ли для государства, если каждый работникъ на фабрикѣ будетъ имѣть свой собственный станъ?“ Онъ можетъ быть разрѣшенъ двумя совершенно различными и другъ другу противурѣчащими положеніями, и обое будутъ имѣть свои до-

казательства: ибо, если собственность привязываетъ насъ къ дѣлу и возбуждаетъ трудолюбіе, то, съ другой стороны, посвященный надзоръ за работою и то расположеніе оной, которое требуетъ особеннаго воспитанія, или досуга, усовершенствуютъ издѣлія и обращаютъ ихъ въ большую пользу государству. Но еслибы, вмѣсто сего вопроса, немѣющаго опредѣленной цѣли, предложить другой, напримѣръ: „полезно-ли предоставить фабрикантамъ безпредѣльную власть надъ ихъ мастерскими, не заботясь о ея употребленіи, или лучше сдѣлать злоупотребленія оной невозможными? Полезно-ли болѣе пешихъ о наставленіи и направленіи къ добру небольшого числа хозяевъ, нежели о неудобномъ и тяжкомъ, человѣческую бдительность превышающемъ, наставленіи многочисленныхъ работниковъ? Полезно-ли соединить хозяевъ и работниковъ, кромѣ взаимной ихъ, корыстной связи, такими отношеніями, которыя бы служили къ общественному добру?..“ То разрѣшеніе сихъ вопросовъ не будетъ подлежать никакой трудности. Я смѣю даже думать, что оно, у всѣхъ здравыхъ умовъ, какъ бы начала ихъ ни разнствовали, выдетъ одинакое.

Много, особливо же съ половины минувшаго столѣтія, писано о злоупотребленіи власти. Но представлены-ли пользы, происходящія отъ нея на землѣ? Мнѣ мнится видѣть физиковъ, которые бы искали всѣ тонкости ума и знанія своего на увѣреніе во вредѣ, происходящемъ отъ огня. Если огонь сожигаетъ и разрушаетъ, то онъ же освѣщаетъ, грѣетъ и къ питанію способствуетъ. Все зависитъ единственно отъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ. Власть осуществляющая приговоры разума и человѣколюбія, есть, конечно, одно изъ первыхъ благодѣяній для смертныхъ. И неужели нѣтъ средствъ, особливо въ маломъ, подчиненномъ кругу, сдѣлать ее безвредною? Корыстолюбіе, большею частію, творитъ злодѣевъ, не столько природныя влеченія ко злу. Поставьте ему предѣлы — и злоупотребленія власти станутъ большею частію несбыточными.

Этимъ и кончу слишкомъ, и безъ того, длинныя мои разсужденія въ которыя я считъ необходимымъ войти прежде изложенія самаго дѣла, ибо на нихъ оно основано. Но время вамъ дорого, и потому не распространяясь болѣе, сошлюсь только, въ заключеніе, на прекрасное сочиненіе одного изъ нашихъ соотечественниковъ, писанное въ 1785 году: „О неудобствахъ въ Россіи дать (въ настоящее время) свободу крестьянамъ, или сдѣлать ихъ собственниками имѣній“. Я имѣю его въ рукописи и жалѣю, что сіе, прямо патріотическое, произведеніе опытнаго и глубокомысленнаго старца, такъ мало извѣстно.

Донесу вашему превосходительству, что въ сельскихъ учрежденіяхъ, которыя привлекли на себя вниманіе ваше, я ничего не изо

брѣталъ собственнаго, но только старался воспользоваться тѣми указаніями, которыя давно существуютъ или въ смыслѣ государствен- ныхъ законовъ, или въ умоначертаніи народномъ.

Помѣщикъ разумѣю я наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому правительство, давъ землю для населенія, ввѣрило, чрезъ то, попе- ченіе о людяхъ (поселянахъ) на оной жить имѣющихъ и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покрови- тель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неиму- щихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами: однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству онъ есть ихъ генераль-губернаторъ въ маломъ видѣ.

Сія должность почтенна, не взирая на число ввѣренныхъ людей. Дабы исполненіе ея, по слабости человѣческой, не разстроивалось иногда пристрастіемъ къ собственной пользѣ, счелъ я за необходи- мое отдѣлить ее совершенно отъ того отношенія, въ какомъ ставить меня собственность, то-есть: земли, лѣса, мельницы и проч., ибо собственностію моею людей, какъ то ниже вы изволите увидѣть, я отнюдь не почитаю. Они, въ глазахъ моихъ, на ряду со мною суть подданные только государства. Вы конечно изволили уже примѣтить, что я, въ этомъ смыслѣ, избѣгаю самаго имени „крестьянинъ“, ко- торого мы по справедливости чуждаться должны, ибо оно есть на- слѣдіе отъ татаръ, нѣкогда тирановъ нашихъ: это уничижительная печать, положенная ими на чело нашихъ предковъ: „христіанинъ“, или „крестьянинъ“ и рабъ значило у нихъ, увы! одно и тоже. Намъ-ли увѣковѣчивать этотъ синонимъ?..

Отдѣляя владѣніе собственностію отъ власти начальника (т.-е. правъ хозяина) я не только не ослабляю сей послѣдней, но еще усиливаю ея довѣренностію, которая, въ этомъ порядкѣ ве- щей, должна неминуемо развиваться въ сердцахъ моихъ поселянъ, между тѣмъ какъ при обыкновенномъ смѣшеніи обоихъ сихъ отно- шеній помѣщикъ къ его людямъ, ей никогда не можетъ быть мѣста.

Для такового отдѣленія, дабы оно не было мечтательное, нужно было съ точностію опредѣлить повинности, которыя мнѣ, хозяину, приходится съ поселянъ законно, за владѣніе ими моею собствен- ностію, и единственно на семъ владѣніи основать ихъ.

Владѣніе, въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, возраста, пола, — не можетъ быть равное: слѣдовательно и повинности не могутъ быть инныя, какъ только соотвѣтствующія симъ обстоятельствамъ. Первое правило!

Послѣ сего нужно было изобрѣсти непреложное мѣрило (маштабъ) какъ для оцѣнки моей собственности; поступающей во владѣніе поселянамъ, такъ и для оцѣнки повинности, которую они мнѣ за то платятъ. Определенное число денегъ не могло, ни въ какомъ случаѣ, для меня служить симъ мѣриломъ, ибо цѣна (valeur) денегъ измѣняется отъ прибыли и убыли ихъ въ губерніи и отъ другихъ обстоятельствъ. Определенная мѣра хлѣба была бы вѣрнѣе; но опытъ доказываетъ, что отношеніе цѣнъ хлѣба къ цѣнамъ работъ, отъ вліянія постороннихъ для земледѣлія причинъ, также подвержено непостоянству. Итакъ, оставалось взять за непреложное, т.-е. во всѣхъ случаяхъ и во всѣ послѣдующія времена для обѣихъ сторонъ безобидное мѣрило, именно: одинъ день земледѣльской работы. Дѣлая по сложности среднюю оцѣнку сего дня, чрезъ каждые пять лѣтъ, и опредѣляя все прочее посредствомъ этой оцѣнки, могу я быть увѣренъ, что ни я, ни поселяне мои не будемъ въ значительномъ проигрышѣ другъ противъ друга. Ваше превосходительство изволите усмотрѣть это немедленно на самомъ дѣлѣ.

Въ концѣ 1805 года сдѣлана была въ селѣ моемъ Кручики оцѣнка рабочаго дня, при которой приглашены были, кромѣ моихъ поселянъ, и посторонніе. По сложности, составленной изъ показанія каждаго, кто что вспомнить могъ за весь годъ, оказалась средняя цѣна онаго тридцать копѣекъ (на собственныхъ харчахъ работника). Цѣна же одной десятины хорошей пахатной земли, продаваемой безъ нужды продавца и въ раздробь, оказалась въ околотиѣ нашемъ сорокъ пять рублей, или, что тоже, цѣна ста пятидесяти дней работы. (По нѣкоторымъ соображеніямъ я заключаю, что во всякое время, въ средней полосѣ Россіи, посредственно населенной, цѣна десятины пахатной земли должна равняться средней цѣнѣ 150-ти дней земледѣльской работы. Говорю въ средней, ибо въ другихъ мѣстахъ цѣны земли и работы будутъ въ другой соразмѣрности, судя по населенію. Но, чтобы сказать многоходомъ, не выступая изъ предмета, я думаю, что сложное содержаніе между собою сихъ двухъ цѣнъ могло-бъ для государственной экономіи послужить основаніемъ величайшей важности). Цѣна десятины сѣнокосу оказалась сорокъ рублей, или цѣна $138\frac{1}{3}$ дней работы. Цѣна дерева, употребленнаго на избу поселянина, на дворъ его и все селидбище, поставлена средняя круглымъ числомъ сто рублей, или $333\frac{1}{3}$ дней работы. Цѣна кубической сажени дровъ, на мѣстѣ и съ рубкою того, кто оныя покупаетъ, три рубля, или 10 дней работы. Цѣна ежегодныхъ потребностей разнаго рода въ лѣсѣ на земледѣльческія орудія, на починку огорожи и проч. поставлена въ три же рубля, или 10 дней работы.

Ваше превосходительство, какъ начальникъ попечительный, входящій во всѣ подробности ввѣренной вамъ губерніи, лучше многихъ другихъ изволите знать, что цѣны сіи суть самыя среднія въ окрестностяхъ Богодухова, гдѣ находится мое имѣніе: онѣ скорѣе могли бы назваться низкими, нежели высокими.

Каждому поселянину, вошедшему въ совершеннолѣтіе, дается, если онъ не имѣлъ прежде, по наслѣдству отъ отца, семь съ половиною десятинъ пахатной земли, полдесятины подъ усадьбу его и одна десятина сѣноосу; и это въ одной-ли окружной межѣ, или въ разныхъ мѣстахъ, по раздѣленію полей,—то и другое какъ онъ самъ заблагоразсудитъ получить. Отводъ въ одной межѣ называется, соответственно здѣшнему народному наименованію, хуторъ такого-то (по имени поселянина); а каждыя 2½ десятины (или 6000 квадрат. сажень) земли въ полѣ, равно какъ и десятина сѣноосу въ своемъ мѣстѣ, называется: въ 1-мѣ, 2-мѣ, 3-мѣ полѣ участки такого-то. Сіе отведенное ему владѣніе ограничивается ямами, изъ которыхъ въ каждой обязанъ онъ послѣ, въ приличное время, посадить по одному дикорастущему плодовитому дереву. Оное огородится и составить сколько примѣтный, столько же и красивый межевой знакъ. Между тѣмъ, владѣльцу хутора или участка дается родъ укрѣпленія на сію собственность: именно цыдулка изъ толстой, клееной бумаги, которая имѣетъ фигуру отведеннаго участка, съ показаніемъ его смежностей и странъ свѣта, и съ надписью: „такого-то — т. е. 1, 2, или 3 поля—такой-то участокъ поселянина такого-то“. На оборотѣ же: „данъ ему, такому-то, безповоротно и наслѣдственно на извѣстныхъ условіяхъ“. Затѣмъ слѣдуетъ мое подписаніе. Такимъ образомъ, сей видъ служитъ каждому владѣльцу не только обезпеченіемъ, что оный ему принадлежать будетъ на всегдашнія времена,—если только онъ будетъ съ своей стороны выполнять условія, т. е. сопряженную съ владѣніемъ повинность помѣщику; но служитъ еще и планомъ, разрѣшающимъ споры, какіе могли бы произойти отъ сосѣдей запашкою, или другимъ образомъ.

Если новый поселянинъ не имѣетъ дому и двора по наслѣдству отъ отца или другихъ ближнихъ, то ему отводится мѣсто и дается весь нужный для постройки лѣсъ. Если же потребно будетъ, то выдаются и деньги въ заемъ изъ сельской общественной суммы, о которой я ниже буду имѣть честь донести. Сему поселянину, на ряду съ другими, будетъ отпускатся изъ лѣсовъ моихъ ежегодно: во-1-хъ четыре кубическія сажени дровъ: число по смѣтѣ нѣсколькихъ лѣтъ найденное для отопки одной семьи достаточнымъ; а во-2-хъ весь

нужный ему ремонтъ для земледѣльческихъ орудій и огорожи. Вотъ чего онъ своему помѣщику стѣбитъ.

Теперь увидимъ, что по вышепоказанной оцѣнѣ слѣдуетъ помѣщику съ него получать?

1) За владѣніе 7 $\frac{1}{2}$ десятинами пахатной, полдесятиной усадебной и одною десятиною сѣнокосной земли, составляющими вообще по цѣнѣ на (8.45 + 40) 400, рублей, принимая сію сумму капиталомъ постоянно находящимся въ его рукахъ, по справедливости слѣдуетъ хозяину капитала получать законные шесть процентовъ, что составитъ въ годъ,	24 руб., или цѣна 80 дней работы.
2) За домъ и дворъ, который онъ построилъ и всегда возобновлять можетъ на счетъ помѣщика, полагая оный, какъ выше сказано, въ 100 руб., слѣдуетъ	6 > > > 20 > >
3) За четыре куб. сажени дровъ изъ лѣсовъ помѣщичьихъ, каждая по 3 р.	12 > > > 40 > >
4) За ремонтъ земледѣльческихъ орудій и проч.	3 > > > 10 > >
Итого за все	45 руб., или цѣна 150 дней работы.

И больше уже никакихъ повинностей поселянинъ не знаетъ въ отношеніи помѣщика, и сверхъ того облегченъ въ отношеніи казенныхъ податей, какъ сказано будетъ ниже.

Ваше превосходительство конечно не упустите замѣтить, какимъ удивительнымъ образомъ второй итогъ согласуется съ извѣстнымъ челоуѣколюбивымъ указомъ блаженной памяти государя императора, въ которомъ повелѣно раздѣлять дни недѣли по равной части на барщину и собственное дѣло крестьянъ: изъ 300 рабочихъ дней въ году (круглымъ числомъ) половина и здѣсь принадлежитъ поселянину, но съ тою только разностію, что и остальныхъ 150-ти не требуется отъ него въ натурѣ, т.-е. непременно работою.

Итакъ, первый изъ вышеозначенныхъ итоговъ, 45 рублей, представляя только оцѣнку 1805-го года, можетъ измѣняться каждые пять лѣтъ при новой оцѣнкѣ; но второй, или цѣна 150-ти дней работы, пребудетъ навсегда постоянною мѣрою повинностей такого поселянина, который владѣетъ 8-ю десятинами пахатной земли и одною десятиною сѣнокоса. И симъ количествомъ онъ уже непременно владѣть долженъ. Почему непременно? спросите вы. Поелику государственный порядокъ требуетъ, чтобъ поселянинъ мой былъ земле-

дѣлецъ, а не праздный человѣкъ: $7\frac{1}{2}$ десятинъ есть такая норма обработки, которая опытомъ дознана по силамъ одному рабочему семейнину, нелѣнящемуся, при нашемъ благословенномъ грунтѣ. „Но онъ можетъ быть нанятъ бы въ другомъ мѣстѣ землю дешевле?“ Не спору: въ сосѣдствѣ моемъ есть казенныя селенія, которыхъ жители, разорясь отъ праздности или безразсчетныхъ промысловъ, могутъ пай свои отдавать дешевле. Но я землю мою почитаю государственнымъ капиталомъ мнѣ или моему предку пожалованнымъ на тотъ конецъ, чтобы онъ приносилъ свои законные проценты. И если бы въ самомъ дѣлѣ я получалъ нѣкоторое излишество противу повольной цѣны, всегда сомнительной и всегда колеблемой обстоятельствами, то сей избытокъ былъ бы не что иное, какъ справедливо слѣдующее мнѣ жалованье: сельское общество, которому я служу, обязано мнѣ платить оное какъ лицу, представляющему для него высшее правительство; а между тѣмъ и поселяне мои, — смѣло могу сказать это, — не промѣняють своего положенія на положеніе поселянъ сосѣднихъ казенныхъ селеній.

Отъ дачи участка чрезъ десять лѣтъ, то-есть выждавъ время, нужное чтобы поселянинъ ощутилъ всю цѣну владѣнія своего, дается ему разрѣшеніе закладывать, или продавать оный, лишь бы закладъ, или продажа не измѣняли слѣдующихъ мнѣ повинностей, и притомъ заимодавецъ, или покупательъ былъ житель если не самого села Крутика, то по крайней мѣрѣ не дальняго отъ него мѣста.

Всякій поселянинъ можетъ требовать, при возрастаніи своего хозяйства, новаго участка земли, на тѣхъ же условіяхъ. Дробленіе участковъ на меньшія мѣры, чѣмъ $2\frac{1}{2}$ десятины въ каждомъ изъ 3-хъ моихъ полей, счелъ я сколько для меня затруднительнымъ, столько же и для самихъ поселянъ невыгоднымъ. Сказанная мѣра составляетъ большею частію правильные параллелограммы по 120 саж. въ длину и по 50 саж. въ ширину. Основаніемъ дѣленія полей на три части послужили у меня дороги, изъ которыхъ одна ведетъ въ губернской городъ, а другія проселочныя; такимъ образомъ я въ состояніи легко обозрѣвать попечительность каждаго земледѣльца на его собственномъ участкѣ и могу, не имѣя въ этихъ участкахъ ничего своего, — взыскивать, наставлять или ободрять не опасаясь, чтобы кто-нибудь подозрѣвалъ во мнѣ человѣка радѣющаго о своемъ добрѣ.

Вышесказанная сумма годовой повинности (45 р.), остающаяся безъ перемѣны съ 1805 года, вносится поселянами по четвертямъ года впередъ, т.-е. по 11 р. 25 к. каждый разъ. Впрочемъ, какъ оно ни маловажно судя по заработкамъ, не рѣдко составляющимъ по 15 р.

въ мѣсяцъ и болѣе, не всѣ еще мои поселяне расположили себя къ платежу ея: есть нѣкоторые, придерживающіеся еще прежняго моего порядка и называются половинщиками. Повинность ихъ раздѣляется на двѣ части: лѣтнюю и зимнюю. За лѣтнюю, или за пользование полемъ и сѣнокосомъ, слѣдовало бы имъ вносить цѣну 80-ти дней работы; но вмѣсто того они отдають мнѣ половину чистаго дохода съ своихъ участковъ самими произведеніями, располагая какъ полные хозяева своимъ временемъ и получая отъ меня половинное количество сѣмянъ для посѣва. Счетъ основывается на числѣ копенъ при уборкѣ и на среднемъ вымолотѣ, дабы избѣжать мелочныхъ расчетовъ; привозка мнѣ зерна дѣлится на три срока: въ ноябрѣ, въ январѣ и въ мартѣ. Что принадлежитъ до зимней повинности: за избу, дрова, и пр., составляющей цѣну 70-ти дней работы, то тѣ, которые не уплатятъ оной (и рѣдкіе не уплачиваютъ) отработываютъ по вольному съ ними договору за каждую особенную работу. Напримѣръ: вызываются охотники перевезти столько-то сажень дровъ изъ такого-то мѣста, или нарубить ихъ; являются желающіе, которыми иногда бываютъ должники, иногда же и уплатившіе свою повинность; могутъ случиться и совсѣмъ посторонніе поселяне; пойдетъ торгъ, цѣна состоится такая-то отъ сажени; и по окончаніи работы она, въ первомъ случаѣ, т.-е. когда работавшій былъ должникъ, ставится ему въ счетъ суммы, которую онъ долженъ въ мое хозяйство; во второмъ же платятся наличныя деньги. Расчетъ бываетъ каждый мѣсяцъ по тетрадекамъ, которыя розданы всѣмъ поселянамъ, подобно какъ изъ иныхъ домовъ, въ большихъ городахъ, раздаются оныя мастеровымъ разнаго рода и поставщикамъ припасовъ. Такимъ образомъ, ни поселянинъ неотягощенъ, ни я работою не обманутъ, что по лѣности здѣшняго народа чаще перваго могло бы случиться, еслибы считать оную барщиною. Половинщиковъ остается уже въ селѣ моемъ немного, и я надѣюсь, что въ скоромъ времени всѣ перейдутъ на чистый оброкъ на вышеизложенныхъ началахъ, хотя я ихъ къ тому не принуждаю.

Не обязываю я также отнюдь всѣхъ моихъ поселянъ быть непременно земледѣльцами, хотя и убѣжденъ, что хлѣбопашество, въ нашихъ мѣстахъ, есть наиболѣе полезнѣйшее для государства занятіе; но терплю и мастеровыхъ. Терплю только, сберегая все возможное мнѣ ободреніе берущимъ участки. Вотъ мѣры, объясняющія уравненіе тѣхъ и другихъ между собою.

Родители вольны отдавать дѣтей своихъ въ наученіе мастерствамъ; но они въ семъ случаѣ не получаютъ никакого особливаго пособія. По изученіи и достигши совершенныхъ лѣтъ, ремесленникъ получа-

еть, также какъ и земледѣлецъ, ивбу; дворъ и прочее, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ; и хотя участка ему уже не дается, но тѣмъ не менѣе онъ обязанъ вносить помѣщику, деньгами или работою свою, цѣну полныхъ 150-ти дней земледѣльской работы въ годъ. Излишняя, повидимому, плата, состоящая въ цѣнѣ 80-ти дней, есть какъ бы пеня за устраненіе отъ хлѣбопашества. Впрочемъ, такъ какъ пеня эта не велика, то хорошій мастеровой легко ее уплачиваетъ; для плохого же, неусиѣвшаго вырабатывать столько, она служить указаніемъ возвратиться въ состояніе родительское; — и земля отводится ему коль скоро онъ того потребуетъ. Сими способомъ желалъ я уменьшить число посредственныхъ ремесленниковъ, лишь отягощающихъ собою общество, не заграждая впрочемъ пути уму, расположенному къ искусствамъ и который одинъ можетъ приносить пользу.

Мастеровыхъ ищу я удержать въ селѣ, гдѣ они менѣе могутъ развращаться нежели въ городахъ. Но и въ семъ случаѣ не употребляю принужденія. Живши въ селѣ, они имѣютъ потребности къ жизни за плату подлинно низкую, ибо помѣщеніе, съ отопленіемъ, стоитъ ему въ годъ всего 70-ть дней земледѣльской работы, что составляетъ всего 21 р., за которые онъ никакъ не можетъ имѣть того же въ городѣ, а пища также несравненно дешевле чѣмъ тамъ; это уже само собою заставляетъ его предпочитать жизнь сельскую городской. Но тѣмъ не менѣе онъ обязывается платить мнѣ урочную повинность за свое жилище, если пожелаетъ жить въ городѣ, и паспортъ выдается ему не иначе, какъ на этомъ условіи. Для мастерового хорошаго и трезваго это не составляетъ препятствія, но посредственный и поведенія мало-надежнаго долженъ по необходимости предпочесть жизнь въ селѣ своему, гдѣ онъ отъ сосѣдей провинціаловъ довольно будетъ имѣть работы.

Наконецъ, что принадлежитъ до моихъ дворовыхъ людей, то они, до времени остаются еще на обыкновенномъ основаніи. Но послѣ они должны состоять или изъ вольнонаемныхъ слугъ, или же изъ дѣтей такихъ родителей, которые, за большимъ ихъ числомъ, не въ состояніи бы прокормить и воспитать всѣхъ, отдадутъ ихъ въ служеніе, сдѣлавъ со мной добровольное условіе; чему и есть уже примѣры. Слово послѣ, употреблено мною въ томъ предположеніи, что при незапрещеніи моимъ дворовымъ людямъ переходить въ земледѣльцы и даже поощреніе ихъ къ тому, они, безъ сомнѣнія, въ своемъ времени сдѣлаются всѣ таковыми.

Имѣя въ настоящее время еще нѣкоторое количество нерозданной пахатной и сѣножосной земли, я обрабатываю ея собственнымъ

скотомъ и наемными людьми, въ ожиданіи пока умножающіеся мои поселяне потребуютъ отъ меня участіе. Сверхъ того есть у меня мельницы, которыя я также предпочтительно отдаю въ содержаніе своимъ поселицамъ, по вольнымъ съ ними договорамъ; есть и извѣстныя вашему превосходительству небольшія фабрики; но еслибъ этого всего и не было, то чистый, изъ недвижности собственно получаемый мною доходъ на вышеобъясненныхъ началахъ таковъ, что не заставляетъ меня раскаяваться въ томъ, что я промѣнялъ мнимыя выгоды порабощенія барщинскаго и угнетеніе поселянъ множествомъ мелкихъ поборовъ, на сіе, сходное съ законами всѣхъ земель и съ пользою человѣчества учрежденіе, которому основаніемъ служить только одно чистое право собственности. И еслибъ не долги, которые не ради моихъ прихотей надѣланы мною, то при всей неважности моего имѣнія, я считалъ бы себя, со всѣмъ моимъ семействомъ, сколько бы оно ни умножалось, совершенно обеспеченнымъ и счастливымъ, глядя на возрастающее благосостояніе моихъ поселянъ. Но меня тревожитъ мысль: что станетъ съ ними въ случаѣ моей смерти, которая, быть можетъ, не далека уже, судя по непрочности моего здоровья?... Мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобъ сдѣланный мною опытъ улучшенія ихъ быта не прошелъ безслѣдно послѣ меня! И вотъ я, ободренный благосклоннымъ вопросомъ вашего превосходительства о моихъ сельскихъ учрежденіяхъ, объяснивъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ исполняются у меня на дѣлѣ, рѣшаюсь всепокорнѣе просить васъ тутъ же, начальникъ благотѣльный и человеколюбивый, въ случаѣ безвременной моей смерти, испросить у верховнаго правительства то слово, которое бы дало имъ твердое бытіе, если только вы изволите найти ихъ правильными и дѣйствительно общающими народное добро. Если же Богу угодно будетъ продлить мою жизнь и благословить умноженіе моихъ поселянъ до того, что у меня не достанетъ земли для раздачи имъ, то я все-таки долженъ буду обратиться, черезъ ваше же, можетъ быть, посредство, къ державной власти для всемилостивѣйшаго разрѣшенія на отводъ имъ гдѣ-нибудь, въ необъятномъ пространствѣ Россіи, пустопорожныхъ земель, въ полной увѣренности, что сіи истинные вѣрнопоходанные государства принесутъ ему болѣе пользы чѣмъ иноземные колонисты, стоящіе казнѣ столькихъ заботъ и издержекъ и отбывающіе столь сомнительную службу русскому народу.

Но я до сихъ поръ объяснилъ вашему превосходительству только матеріальный бытъ моихъ поселянъ. Остается сказать нѣсколько словъ о ихъ гражданскомъ устройствѣ.

Устранивъ отъ себя, вышепредставленнымъ способомъ, всѣ под-

робности попеченія о личной пользѣ, которыя бы развлекали меня при обыкновенномъ порядкѣ вещей, превращали бы изъ господина въ надзирателя только работъ, я могъ быть и самъ нравственно свободенъ. Мнѣ не оставалось ничего болѣе, кромѣ должностей въ отношеніи моего собственнаго семейства и той обязанности въ отношеніи моихъ поселянъ, которую возлагали на меня, казалось, религія и правительство. (Я не говорю о наукахъ, занимающихъ свободныя мои часы: и ихъ, къ счастью, легко соединить съ обѣими упомянутыми обязанностями).

Поселяне мои должны были имѣть полицію и судилище. Число сихъ подданныхъ государства не велико: одного мѣста могло быть довольно для представленія обоихъ мѣстъ. Еще въ 1793 году была учреждена мною на образецъ думъ, существующихъ въ городахъ, сельская дума. Она состояла изъ двухъ стариковъ, выбранныхъ самими поселянами, и меня какъ ихъ предсѣдателя. Имѣла, съ тѣхъ поръ, писаря, записку засѣданій, сумму для общественныхъ нуждъ и нѣкоторыя правила. Но частныя мои отлучки изъ дому, и служба въ С.-Петербургѣ, не позволили мнѣ заняться симъ учрежденіемъ такъ, какъ я желалъ. И можетъ быть это сдѣлалось къ лучшему: ибо множество идей моихъ созрѣли съ тѣхъ поръ. Послѣ отставки въ 1804 году я обратился къ моему любимому мечтанію, и уже какъ мужъ, не какъ юноша.

Теперешнее образованіе Кручанской сельской думы есть слѣдующее:

1) Она имѣетъ мѣсто своихъ засѣданій въ особомъ порядочномъ и внутри приспособленномъ къ своей цѣли строеніи въ серединѣ села (бывшее жильё моего покойнаго отца).

2) Время урочныхъ засѣданій: одинъ день въ недѣлю, а именно четвертокъ. Впрочемъ, бывають собранія и сверхъ положенныхъ, если особыя нужды того требуютъ.

3) Имѣетъ членами: меня, въ лицѣ предсѣдателя; старшаго выборнаго, который есть вмѣстѣ и церковный староста; младшаго выборнаго, который, заведывая сельскою полицією, называется благочипнымъ. Къ числу членовъ можно причестъ и священника, который нерѣдко засѣдаетъ съ нами вмѣстѣ, и надзирателя должностей. Это одинъ старый офицеръ, который послѣ 35-лѣтней службы живетъ у меня на покое. Онъ есть у насъ родъ прокурора и въ отсутствіи моемъ заступаешь мое мѣсто, также при производствѣ такихъ дѣлъ, которыя лично до меня касаются, или до моей собственности, и гдѣ я по общему началу, что „истецъ и судья не могутъ быть въ одномъ

лицъ", не присутствую.—Письмоводец думы есть особо опредѣленный на то писарь изъ воспитанниковъ приходскаго моего училища.

4) Сія люди получаютъ жалованье, а именно:

Старшій выборный цѣну ста сорока дней работы въ годъ (или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 42 рубля).

Младшій выборный, цѣну двухъ сотъ дней работы (или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 60 рублей): (болѣе старшаго, поелику другая должность его, благочиннаго, больше отвлекаетъ его отъ дому, слѣдовательно общество обязано вознаградить его упущенія по собственному хозяйству).

Надзиратель, — цѣну 400 дней работъ (по нынѣшней оцѣнкѣ 120 рублей).

Писарь,—цѣну 80 дней работъ (по нынѣшней оцѣнкѣ 24 руб.). Въ дополненіе къ этому жалованью ему позволено: 1) брать за внесеніе условій между поселянами въ назначенную для того книгу, $\frac{1}{100}$ долю ихъ цѣны, и 2) получать небольшіе, опредѣленные подарки отъ примиряющихся въ ихъ ссорахъ, если онъ успѣетъ согласить ихъ не доводя до суда.

5) Деньги на сіе жалованье берутся изъ общественной суммы села, которую, для болѣе уваженія, называю я по имени прихода: крестовоздвиженскою, и положилъ хранить въ церквѣ. О составленіи оной донесу ниже.

6) Дума для всѣхъ своихъ дѣлопроизводствъ имѣетъ пять книгъ: первая, есть обыкновенная записка, или протоколъ засѣданій. Въ одномъ столбцѣ сей записки показано, о чемъ разсуждено было; въ другомъ, что положили; въ боковыхъ двухъ графахъ отмѣчается день разсужденія и день исполненія приговоровъ. Сія записка пишется писаремъ и подписывается мною и членами, а въ отсутствіи моемъ, надзирателемъ и членами (по неграмотности выборныхъ, — такъ какъ они гораздо старѣе моего училища, они имѣютъ свои печати).

Вторая книга—есть приходо-расходная общественной суммы. Ведется она также писаремъ, но суммы вынимаются и выдаются въ присутствіи священника и по крайней мѣрѣ одного выборнаго. Къ ней принадлежатъ: книга долговая, для записки раздаваемыхъ въ заемъ денегъ поселянамъ, по приговорамъ думы.

четвертая,—книга условій, родъ крѣпостной и маклерской вѣстѣ. Въ оную писарь вноситъ всѣ условія, дѣлаемые жителями села (кто бы они ни были, неисключая и помѣщика); также данныя на дворовыя, огородныя мѣста и пр. Она начата запискою тѣхъ условій, на которыхъ я отдалъ участки полей поселянамъ, и я предоставляю

себѣ, рано или поздно, утвердить актъ сей по начальству, дабы онѣ имѣли всю силу закона для моихъ наслѣдниковъ. Что принадлежитъ до полной значительности онаго при моей жизни, то, благодарю Бога! поселянамъ моимъ и на мысль не приходитъ въ томъ сомнѣваться.

Наконецъ, пятая книга—алфавитный реестръ всѣхъ въ прошедшее пятилѣтіе случившихся дѣлъ, который служить для разныхъ выправокъ. Роды дѣлъ, которыя кто имѣлъ, роды винъ, за которыя съ кого послѣдовало взысканіе, дѣлаютъ еще сію книгу истинною характеристикою поселянъ, необходимою для полиціи.

7) Порядокъ засѣданій думы не имѣетъ ничего особаго. Я старался его учредить бравши въ примѣръ существующій въ присутственныхъ мѣстахъ. Держась спасительныхъ началъ монархическаго правленія, я долженъ былъ предоставить себѣ ту власть, которая 103-ею статьею учрежденія о губерніяхъ дана губернатору въ губернскомъ правленіи, и еслибы отъ меня сіе зависѣло, то я выборнымъ охотно далъ бы право, по разуму той же статьи, доносить о неправильномъ какомъ или противузаконномъ моемъ поступкѣ высшему начальству, и именно: губернатору, или губернскому предводителю дворянства, но только не уѣзднымъ мѣстамъ, стать подъ которыми, по нынѣшнему ихъ составу, для всякаго помѣщика конечно будетъ прискорбно. Надзирателю должностей предоставилъ бы я также право представленій о томъ же губернскому начальству. Такимъ образомъ, мое учрежденіе никогда не обратилось бы въ игру власти. Но все это можетъ быть сдѣлано только тогда, когда учрежденіе это получить одобреніе высшей власти.

8) Законы, на которые мы ссылаемся въ рѣшеніяхъ и приговорахъ, суть не иные какъ общіе государственные; ибо нѣтъ никакой причины, препятствующей распространять ихъ на помѣщичьихъ поселянъ, хотя сего нигдѣ гласно и не сказано. По сему началу дѣла опеки наслѣдства и личныя ссоры разбираются по извѣстнымъ узаконеніямъ. Дѣла прямо уголовныя, еслибы онѣ къ несчастію случились, одни изъ сего естественно исключаются, такъ какъ они принадлежать до мѣстъ на сіе верховнымъ правительствомъ учрежденныхъ.

Но на такія обстоятельства, въ коихъ общіе законы молчатъ, какъ, примѣръ, въ случаяхъ принадлежащихъ до полиціи, нравовъ и проч., сдѣланы особенныя постановленія думы, на которыя и бываетъ ссылка. Въ примѣръ того и другого я имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству двѣ выписки изъ засѣданій думы. О нѣсколькихъ предметахъ, однакожь, я обязанностию считаю донести вамъ обстоятельнѣе, именно: о сельской полиціи, о распо-

рядѣ относительно до рекрутскаго набора, объ опеѣ и малолѣтнихъ, объ училищѣ и о собраніи общественной суммы, изъ чего послѣдняго само собою объяснится и то, что принадлежитъ до взноса казенныхъ податей.

1) Все, что принадлежитъ до земской и внутренней полиціи села, ввѣрено благочинному. Получаемыя по сей части предписанія уѣздной полиціи ему немедленно препровождаются для исполненія. То изъ нихъ, что должно быть вѣдомо всѣмъ поселянамъ, онъ же оповѣщаетъ слѣдующимъ способомъ: село, вмѣсто кварталовъ городскихъ, раздѣляется на десятки дворовъ, т.-е. отчислено, по сосѣдственному между собою положенію, около десяти дворовъ, болѣе или менѣе, которые и составляютъ то, что называется 1-мъ 2-мъ и такъ далѣе десяткомъ. Хозяева домовъ обязаны, каждый по очереди, три дня сряду отвѣчать за порядокъ своего десятка. Они приходятъ каждый вечеръ въ думу извѣщать благочиннаго о томъ, что случилось у нихъ и принимать приказанія, если какія есть. Въ крайнихъ же случаяхъ и сами немедленно берутъ предписанныя мѣры на мѣстѣ, а между тѣмъ извѣщаютъ благочиннаго.

Обязанность думы не ограничивается механическими, такъ-сказать, распоряженіями, общими ей съ городскою полиціею. Нравственность поселянъ есть первый ея предметъ. По ограниченности того круга, который она обнимаетъ, и по власти, которую заимствуетъ отъ помѣщика, бдѣніе за симъ ей удобнѣе нежели начальствамъ городовъ. Изъ приложенныхъ выписокъ, о которыхъ я имѣлъ честь упомянуть выше, ваше превосходительство можете уже отчасти видѣть, какъ далеко у насъ простирается нравственное надзираніе. Донесу вамъ, что оно начинается уже въ училищѣ. Употреблены всѣ средства, чтобы у молодыхъ поселянъ уваженіе къ вѣрѣ, законамъ и начальству (т.-е. порядку), а также къ чистотѣ нравовъ вошло въ привычку гораздо прежде, нежели сіе будетъ изъясняться разсудку ихъ. По малости времени рано еще видѣть вполнѣ плоды сихъ распоряженій, но надѣюсь имѣть нѣкогда это счастье. Народъ нашъ чрезвычайно способенъ къ хорошимъ впечатлѣніямъ, но надобно чтобы они поддерживались примѣромъ и властію. Власть всегда готовая взыскивать, власть нелицепріятная, неумолимая, должна быть у него въ виду. По сей причинѣ не отринута у насъ тѣлесное наказаніе. Дѣти и народъ, который едва ли не повсюду въ состояніи же дѣтей, по разуму, неразвитому въ однихъ лѣтахъ, а въ другомъ образованіемъ, не могутъ быть, кажется мнѣ, закономъ освобождены отъ такого наказанія. Но оно, конечно, должно имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ стыдъ не дѣйствуетъ уже, и опредѣляться ненначе какъ съ крайнею береж-

ливостію и съ постепенностію. Нашъ сельскій уставъ полагаетъ отъ 3-хъ и до 20-ти ударовъ обыкновенною лозой, но приговорахъ думы. Подъ категорію проступковъ, караемыхъ такимъ образомъ, подведены слѣдующіе: 1) всякаго рода непослушаніе начальству, происходящее собственно отъ упрямства, этого коренного зла въ человѣкѣ, обнаруживающагося пренебреженіемъ порядка установленнаго властію. (Тутъ разумѣется и обида кому-либо должность исправляющему, хотя бы онъ и не начальникъ былъ, оказанная въ видѣ мщенія за сіе исправленіе должности); 2) взятка, или кража, или другой подобный проступокъ при исполненіи порученія *); 3) драка при народѣ; 4) неуваженіе старшихъ, дошедшее до безчинія (разумѣется неуваженіе къ родителямъ, тестю, тещѣ, старшимъ братьямъ, и пр.), также лживый поступокъ, оказанный противъ старшихъ; 5) безчиніе, сдѣланное въ церквѣ и всякое другое неуваженіе святой нашей религіи, явно учиненное. Вообще имѣлись въ виду такіе проступки, которые показываютъ противудѣйствіе установленному порядку, или злоупотребленіе власти.

Неисправляющіеся послѣ всѣхъ опытовъ, какъ упорные, такъ и порочные поручаются помѣщику, чтобъ онъ удалилъ ихъ изъ села. Отдача въ солдаты есть та мѣра, которую я положилъ употреблять въ подобныхъ случаяхъ, буде неисправимый подходитъ подъ условія рекрутскаго приѣма; въ противномъ же случаѣ счелъ дозволеннымъ воспользоваться правомъ, который законъ даетъ, къ сожалѣнію, продавать людей; и это единственный случай, въ которомъ подобное право можетъ быть употреблено. Вырученныя за продажу деньги, или рекрутская квитанція поступаютъ въ пользу общества, которое должно быть вознаграждено за лишеніе своего члена.

Можетъ быть ваше превосходительство изволите заключить изъ непризнанія моего и барщины (или, какъ у насъ говорятъ, панщины) и продажи людей, что я отвергаю вовсе такъ-называемое крѣпостное право (т.-е., по моему, право подчиненности поселянъ своимъ помѣщикамъ)? Напротивъ! я считаю его очень важнымъ, ибо оно служитъ для отечества моего обезпеченіемъ, что поля не будутъ безплодными степями, что промыслы останутся въ своихъ предѣлахъ, и что полиція городовъ не будетъ отягощена надзоромъ надъ людьми безъ собственности, которые, не имѣя ничего терять, тѣмъ легче могутъ себѣ позволить незаконныя средства къ приобрѣтенію. Но я хотѣлъ бы только, чтобъ злоупотребленія этого права были искоренены, а главнѣйшими изъ сихъ злоупотребленій суть: барщина,

*) Кража въ другихъ случаяхъ наказывается у насъ арестомъ и пеней только.

т.-е. произволъ въ пользованіи трудомъ поселянъ, безсудныя наказанія и продажа ихъ какъ вещей! Я допускаю даже выходъ изъ подчиненности ихъ помѣщикамъ, но только тогда, когда выходящій приготовленъ къ самостоятельной жизни. Всякой поселанинъ, который, взнося въ общественную сумму цѣну рекрута, поставленную у меня навсегда, какъ вы ниже изволите увидѣть, въ цѣну 2000 дней работы (по нынѣшней оцѣнкѣ въ 600 рублей), пожелаетъ перемѣнить свое званіе, немедленно получаетъ отпускную. И въ семъ случаѣ отпускная разумѣется свидѣтельствомъ, которое законы государства требуютъ въ томъ, что предъявитель можетъ безвредно перемѣнить родъ жизни. Сумма, вносимая имъ, доказываетъ неоспоримо: 1) что онъ не будетъ въ тягость никакому обществу, ибо онъ, за продовольствіемъ себя и семейства, могъ своими трудами приобрѣсть ея; 2) что онъ болѣе сего имѣетъ въ запасъ и чувствуетъ себя способнымъ къ другому званію, или къ пользѣ обществу въ городахъ, ибо безъ того не было-бы ему никакой нужды мѣнять извѣстныя выгоды на неизвѣстныя. Онъ все, земледѣльческое собственно, имѣлъ за такую цѣну, за которую не можетъ получить въ другомъ мѣстѣ. Начальства же избѣжать — не можетъ входить и въ мысль его, такъ какъ онъ приученъ къ тому, что господская власть есть только такое же начальство, какое онъ встрѣтитъ во всякомъ другомъ состояніи, только болѣе заинтересованное въ его собственной пользѣ. Гдѣ власть неупотребляется во зло, тамъ она любезна. Впрочемъ легко доказать можно, что никогда законы наши не разумѣли подъ именемъ власти помѣщика безчестнаго права располагать человекомъ какъ скотомъ. Предоставимъ иностранцамъ выражать то, къ чему мы на языкѣ нашемъ и слова не имѣемъ (*Reibeiigenchaft*) и послѣ ужасаться своего собственного выраженія!..

Понужденіе къ выполнению долговыхъ и другихъ обязательствъ также естественно принадлежитъ до полиціи, отъ которой поведеніе никакого поселанина укрыто быть не можетъ. Должникъ, неоплатный безъ вины его, получаетъ пособіе изъ общественной суммы, или отъ добродѣтельныхъ дателей, которыхъ вызывать дума поручаетъ священнику. Неоплатный же по нерадѣнію, которое всегда подразумевается, если должникъ не докажетъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, отъ которыхъ онъ пришелъ въ несостоятельность, отдается въ услуженіе кому онъ долженъ и до окончательной выплаты лишается распоряженія своимъ достояніемъ, которое отдается въ опеку.

2) Рекрутская повинность исполняется у меня слѣдующимъ способомъ:

Благочинный, получивъ по начальству предписаніе о предстоя-

щемъ рекрутскомъ наборѣ, оповѣщаетъ о томъ поселенъ чрезъ десятскихъ, о которыхъ сказано выше. Немедленно составляется въ думѣ списокъ всѣхъ поселенъ отъ 19 и до 29 лѣтъ возраста безъ исключенія (дворовые мои люди вносятся въ оный на ряду съ другими). На таковыхъ отмѣченныхъ поселенъ раскладывается цѣна рекрута, которая, вмѣстѣ съ издержками на его отдачу единожды навсегда положена въ 2000 рабочихъ дней (что составляетъ по нынѣшней оцѣнкѣ 600 рублей). Раскладка дѣлается неравномѣрно, но сообразясь росту, лѣтамъ, семейству и достатку поселеннаго. Для примѣра донесу вамъ, что нынѣшній разъ на нѣкоторыхъ пришлось по 2 рубля, а на другихъ по 20. Малорослые, на достаточнѣйшихъ изъ которыхъ полагается не свыше цѣны десяти дней работы (нынѣ трехъ рублей), должны непременно заплатить свою долю, ибо наборъ есть повинность общественная, въ которой неминуемо должно всякому участвовать, но не въ равной, однакожъ, мѣрѣ, а смотря по тому, какъ природа и другія обстоятельства способствуютъ къ освобожденію его отъ оной. Подходящимъ къ указанной мѣрѣ роста предоставляется на волю внести свой пай, или явиться къ вынужденію жеребья. Сіе послѣднее происходитъ въ думѣ; вынужденій жеребій, каждый по своему номеру, представляется въ рекрутское присутствіе и приемъ рѣшить кому надлежало быть отданнымъ. Буде бы случилось, что всѣ внесутъ положенное на нихъ по раскладкѣ, то дума назначаетъ сама нѣсколькихъ поселенъ, которыхъ она, по заключеніямъ своимъ, охотнѣе можетъ отдать; сама раздаетъ имъ номера и тотъ же постепенный порядокъ наблюдается при представленіи ихъ въ рекрутское присутствіе. Въ семъ случаѣ взятому въ рекруты деньги возвращаются. Употребленіе собранной такимъ образомъ суммы есть слѣдующее: во-первыхъ, изъ оной отдается рекрутъ со всѣми къ отдачѣ принадлежащими расходами, какъ-то: верхнимъ и нижнимъ одѣяніемъ, доставкой, и пр.; во-вторыхъ, изъ оной же вносятся рекрутскія деньги, кому слѣдуетъ, за излишекъ противу чѣтнаго числа душъ, слѣдовательно, нѣтъ уже надобности въ новой раскладкѣ на эти оба предмета, какъ сіе въ другихъ мѣстахъ обыкновенно дѣлается; въ-третьихъ, удовлетворяются займодавцы отданнаго въ рекруты, буде таковые имѣются. Остальныя затѣмъ деньги будутъ храниться въ общественной кассѣ, яко принадлежащій ему собственно капиталъ, съ котораго указные 6 процентовъ препровождаются ему ежегодно, каждый разъ по полученіи отъ него черезъ почту извѣстія о его адресѣ и отъ начальника роты, или эскадрона, гдѣ онъ служитъ, аттестата въ томъ, что онъ похвальнаго поведенія. На послѣдокъ, по возвращеніи его изъ службы на покой, или въ гар-

низонъ, капиталъ сей отдается ему въ цѣлости, яко пособіе на обзаведеніе его домогъ. Ежели служивый изъ сдаточныхъ села Крутика, бывъ отъ службы уволенъ, пожелаетъ поселиться на своей родинѣ, то дума немедленно отводитъ ему дворовое мѣсто, а помѣщикъ предоставляетъ навсегда урочныя десятины пахатной земли и сѣнокоса безъ взысканія обыкновенной повинности. Сіи два пособія, казалось мнѣ, по справедливости долженъ имѣть служившій столько лѣтъ за отечество отъ того мѣста, которое его на свѣтъ произвело. По сей-то причинѣ принять вышепоказанный періодъ жизни отъ 19 до 29 лѣтъ, не простирая его далѣе до указныхъ годовъ; ибо назначать въ рекруты въ 30 и болѣе лѣтъ, значило бы сулить ему самую печальную будущность: возвратившись со службы онъ не будетъ уже имѣть силъ заводить дома, ниже семейства имѣть, хотя бы случаи службы и не отняли у него здоровья. Въ случаѣ смерти на службѣ нашего рекрута, капиталъ его возвращается въ пользу общества, которое его составило, т.-е. причисляется къ общественной суммѣ.

Иные, въ семъ распоряженіи о наборѣ будутъ можетъ быть охуждать то, для чего женатые люди не исключены изъ упомянутого списка отмѣченныхъ? Но я отдачу холостыхъ единственно, почитаю большимъ проступкомъ противъ здоровой политики. А почему?... Дабы сберечь здѣсь время и мѣсто, предоставляю собственной проницательности вашего превосходительства.

3) По смерти поселянина, имѣвшаго участки поля, или хуторъ, одинъ изъ его сыновей, имъ самимъ назначенный, или, если онъ не успѣлъ сего сдѣлать, назначенный думою, вступаетъ въ права владѣнія оставленной собственности. Прочіе сыновья, буде кто изъ нихъ не отданъ въ наученіе ремеслу, немедленно получаютъ отъ меня урочныя участки; сиротскіе остаются, до возраста малолѣтнихъ, на такомъ же основаніи, какъ и даваемые отставнымъ солдатамъ, т.-е. съ нихъ не взыскивается никакой повинности. Казалось мнѣ, что долгъ мой есть пешиись о сиротахъ и дать имъ собственность прежде, нежели можно будетъ требовать отъ нихъ возмездія. Не мнѣ-ли принадлежить, рано или поздно, пристроить ихъ и дать имъ движимую собственность, дабы привести ихъ въ состояніе пользоваться и недвижимою? Дача участковъ въ малолѣтствѣ сіе замѣняетъ, ибо таковыя участки, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ, какое по наслѣдству сиротѣ принадлежитъ, отдаются подъ опеку избранному отъ думы поселянину, получающему, въ вознагражденіе за свой призоръ, десятую долю собираемаго съ полей дохода. (Въ законѣ о дворянскихъ опекахъ положено только пять процентовъ, но призоръ опекуна-земледѣльца требуетъ

богѣ трудовъ). Или же предоставляется ему, во избѣжаніе счетовъ, сиротскіе участки обрабатывать въ собственную свою пользу, платя въ общественную казну ежегодно урочную съ каждой десятины повинность, за вычетомъ только десятой доли. И въ семъ случаѣ было нужно назначить уступку, дабы заохотить опекуновъ обрабатывать сіи участки предпочтительнѣе нежели брать ихъ на собственный свой счетъ у помѣщика. Собираемыя тѣмъ или другимъ образомъ деньги, за отдѣленіемъ того, что необходимо на содержаніе малолѣтняго (который вездѣ въ деревняхъ, начиная отъ пяти лѣтъ, снискиваетъ уже себѣ собственнымъ трудомъ пропитаніе), вносятся въ общественную кассу. Дума ведетъ счетъ симъ деньгамъ и процентамъ съ нихъ, ибо она сама отдастъ въ ростъ избытки своей суммы и съ преимущественными процентами. И весь накопленный капиталъ, который иногда простираться можетъ до 300 р., по совершеннолѣтіи хозяина, выдается ему на заведеніе.—Если никто изъ назначаемыхъ думою не пожелаетъ взять на себя опекунской должности (что и случилось недавно съ нѣкоторыми сиротами), то званіе опекуна по всѣмъ правамъ принадлежитъ мѣ. И въ такомъ случаѣ я, подобнымъ же образомъ, обрабатывая сиротскіе участки наемными людьми въ мою пользу, дѣлая иногда на нихъ самыя полезныя для поселянъ мои опыты, взношу принадлежащія за нихъ деньги въ общественную кассу на упомянутомъ же основаніи. Мать таковыхъ сиротъ опека обязана содержать на счетъ всѣхъ ихъ, до совершеннолѣтія сына, получающаго отцовское наслѣдіе, удѣляя ей, сверхъ того что она собственными трудами приобрѣсти можетъ, пристойную сумму. Если послѣ умершаго поселянина останутся только дочери, то одна изъ нихъ равнымъ образомъ получаетъ въ наслѣдство отцовскіе участки. Прочія, по усмотрѣнію думы, или отдаются въ наученіе какому либо ремеслу, или получаютъ отъ помѣщика участки полей и сѣнокосу, на томъ же основаніи какъ и сыновья, до совершеннолѣтія ихъ. А потомъ, или же при выходѣ въ замужество, онѣ съ своихъ участковъ начинаютъ платить только половину повинности противу мужчинъ. Вдова, оставшаяся безъ дѣтей, наслѣдуетъ также участки своего мужа съ обязанностію половиннаго же платежа; и въ обоихъ случаяхъ сей половинный платежъ продолжаетъ нѣтъ мѣсто, доколѣ участки по наслѣдству не перейдутъ въ мужскія руки. Въ случаѣ выхода въ замужество вдовы, или дѣвицы, имѣющей участки, въ другое селеніе (казенное, или помѣщичье), она съ мужемъ своимъ властна продолжать пользоваться ими съ тою же повинностію, или же уступить ихъ мѣ, или одному изъ поселянъ Кручика, по добровольному условію. Но дѣтямъ, прижитымъ съ иносельнымъ мужемъ, въ наслѣдство оставить уже не можетъ. Плата за выводъ

невѣсть совершенно уничтожена у меня. Сосѣдственныя, казенныя или помѣщичьи, поселяне имѣютъ незатворенныя двери сватать ихъ (съ нѣкоторыми изъ помѣщиковъ я сдѣлалъ въ семь разумѣ взаимное обязательство; впрочемъ, родители должны предварительно извѣстить думу о томъ, куда они выдаютъ свою дочь). Эта мѣра, вмѣсто потери невѣсть для собственныхъ моихъ поселянъ, которою меня угрожали, сдѣлала то, что я имѣю довольно женщинъ за моими людьми изъ казенныхъ селеній.

4) Училище состоитъ также подъ вѣдомствомъ думы. Она отпускаетъ на оное ежегодно цѣну ста тридцати дней работы, сверхъ экстраординарныхъ издержекъ на починку строенія, построеннаго мною на сей предметъ. Цѣна тридцати дней работы употребляется на подарки вещами ученикамъ, которые отличились при испытаніи, или ихъ родителямъ, если отличіе замѣчено со стороны благонравія. А цѣна ста дней работы (по нынѣшней оцѣнкѣ 30 руб.) идетъ въ жалованье учителю. Въ дополненіе къ сему предоставлено ему право получать съ родителей учениковъ, по предварительному съ ними условію, въ годъ за cadaго отъ цѣны 3-хъ дней работы, до цѣны 30-ти дней, смотря по достатку поселянина. Испытанія бывають при членахъ думы и родителяхъ; приглашается также и смотритель уѣзднаго училища. Постороннихъ посѣтителей поставлено за правило не имѣть, ибо при простомъ семъ училищѣ, основанномъ на началахъ христіанской религіи, не терпится ни одно средство, несогласующееся съ нею, къ числу которыхъ принадлежитъ возбужденіе тщеславія. Кончившимъ свое ученіе въ приходскомъ училищѣ села Кручика не возбраняется переходить въ уѣздное и тамъ продолжать свои науки на издивеніи родителей. Постановлено, что въ случаѣ, если губернское начальство, по сообщенію къ нему университета, отзовется ко мнѣ, что кто-либо изъ дѣтей моихъ поселянъ въ уѣздномъ училищѣ обнаружитъ таланты необыкновенныя, обѣщающіе, что онъ вѣкъ земледѣльческаго званія можетъ принести вѣщую пользу государству, то я сообразно тому, что сказано выше о возрастныхъ поселянахъ, немедленно выдаю ему отпускную. Но въ семъ случаѣ губернское начальство должно взять на себя понужденіе законнымъ порядкомъ выбывающаго поселянина ко взносу опредѣленной цѣны 2000 дней земледѣльской работы въ общественную сумму села Кручика, разумѣется въ то время, когда онъ службою государству, или исполненіемъ другого званія по талантамъ своимъ, получить къ тому возможность; ибо, — первое правило, безъ вѣрной надежды на выгоднѣйшую жизнь нѣтъ нужди переимѣнять званія, къ которому кто принадлежитъ; и, — второе, — общество должно быть вознаграждено за потерю своего члена: оно лишилось одного изъ орудій къ несенію общихъ тягостей.

5) Остается мнѣ донести вашему превосходительству о составленіи общественной суммы, о которой я столь часто упоминалъ. Я основалъ сіе составленіе на понятіи моемъ о податяхъ вообще; и оно есть слѣдующее:

Предметъ собирапія податей можетъ быть четвероякій, судя по ихъ назначенію. 1) На содержаніе правительства, пекущагося о цѣлости и благоустройствѣ общества; 2) на охраненіе сей цѣлости извнѣ (содержаніе войска и департамента иностранныхъ сношеній); 3) на охраненіе въ самомъ обществѣ личной безопасности каждаго гражданина (содержаніе полиціи и уголовныхъ судовъ), и 4) на охраненіе и обезпеченіе права собственности (содержаніе гражданскихъ судовъ). Первые три назначенія предполагаютъ личную или такъ-называемую, въ чужихъ странахъ, поголовную подать, независящую отъ сборовъ съ имущества, которые, однакожъ, также, болѣе или менѣе, должны въ ней участвовать. Послѣднее же предполагаетъ одни только сіи сборы. Такимъ образомъ я вижу, что только два рода повинностей основаны на самомъ свойствѣ вещи; или, точнѣе сказать, что существуетъ одинъ только родъ собственно подати, и одинъ—сборовъ. Послѣдній, въ строгомъ смыслѣ, можетъ имѣть два или три вида, не болѣе. Подать личная, или просто подать, должна быть всеобщая, не терпящая никакого исключенія, но умѣренная и для всѣхъ равная, поелику всѣ, отъ первѣйшаго богача, до послѣдняго работника въ рубищахъ безъ собственности и пріюта, имѣютъ одинакую нужду въ охраненіи цѣлости общества, въ охраненіи личной безопасности и въ охраненіи права собственности. Сборъ же съ имѣній, напротивъ, долженъ соотвѣтствовать самимъ имѣніямъ.

Личная подать имѣетъ свои величайшія неудобства, но ихъ отратить можно. Кто, на примѣръ, сомнѣвается въ томъ, что равный платежъ съ младенца, который едва успѣлъ родиться на свѣтъ, который есть только новое бремя своему отцу, и съ взрослого юноши въ полномъ цвѣтѣ силъ его, есть несправедливость? Что таковой платежъ есть даже жестокость, противная здоровой политикѣ, вызывающей умноженіе народа и видящей въ немъ свою славу? Земледѣлецъ, обремененный уже пятью сыновьями, изъ которыхъ и старшій не доставляетъ еще никакой ему помощи, а требуетъ содержанія, порадуетъ ли рожденію шестого? Не покусится-ли онъ, напротивъ, на умерщвленіе въ себѣ чувства, влекущаго его къ бѣдной его половинѣ? Не позавидуетъ-ли тому презрѣнному товарищу его, который, бросивъ земледѣліе и жену, развращается въ городахъ? Къ счастью, при кроткомъ нашемъ правительствѣ и умѣренности личной подати сіи неудобства меньше ощутительны.

Извѣстно, что ни въ одномъ селеніи, помѣщичьемъ-ли то, или казенномъ, подать не собирается по словамъ ревизской сказки, хотя итогъ ея служить основаніемъ податей. Перемены, случающіяся ежегодно въ семействахъ отъ ревизіи до ревизіи, препятствуютъ тому; слѣдовательно, ежегодно бываютъ новыя раскладки. Индѣ выпускаютъ, обыкновенно, умершихъ и бѣжавшихъ; для наполненія же суммы вводятъ новорожденныхъ; недостатки за симъ раскладываютъ на все общество. Въ другихъ мѣстахъ сложность слѣдующаго ко взносу въ казначейство раскладываютъ на работниковъ селенія, т.-е. на тягла, или заставляютъ ихъ обрабатывать, сверхъ барщины, участки земли, произведенія котораго обращаютъ на уплату всѣхъ казенныхъ повинностей; и такъ далѣе.—Я, принужденъ бывши также изобрѣтать средства для сего домашняго уравнианія казенныхъ податей, за взносъ которыхъ я, какъ помѣщикъ, отвѣтствую, рассудилъ расположить взысканіе ихъ съ тѣхъ только поселянъ, которые достигли совершеннаго возраста; но съ тѣмъ, что они въ слѣдующіе двадцать лѣтъ повинны заплатить всю недоимку за протекшіе до ихъ совершеннолѣтія двадцать лѣтъ, съ процентами ея. По прошествіи сего времени, т.-е. послѣ сорокового года ихъ жизни, остается имъ платить только одинакую подать въ продолженіи двадцати же лѣтъ; наконецъ, послѣ 60-го года жизни и сія уничтожается. Способъ сей казался мнѣ представляющимъ великія выгоды: во-1-хъ) платежъ будетъ постоянно соответствовать естественнымъ періодамъ силы человѣческой; во-2-хъ) молодые люди, при самомъ вступленіи своемъ на поприще общественной жизни, поставлены въ необходимость трудиться и быть хозяевами, и это должно обратиться въ привычку на цѣлую ихъ жизнь; въ-3-хъ) они, сверхъ того, поощрены каждый къ бракамъ, ибо зная, что неминуемо долженъ онъ платить отъ совершеннолѣтія своего определенную подать, и чрезъ двадцать лѣтъ сряду одинакую, найдеть для себя выгоднѣе поспѣшить жениться и прижить дѣтей, за которыхъ онъ уже не платитъ государству, но которые могутъ ему помогать, бывъ подростками, т.-е. за нѣсколько лѣтъ еще до окончанія срока двойного платежа, отцовскаго и до наступленія ихъ собственнаго; въ-4-хъ) пощажены отцы, имѣющіе большія семейства; въ-5-хъ) совершенно освобождены старики, съ нуждою могущіе снискивать себѣ пропитаніе, и тягость платежа снята съ дѣтей, у которыхъ они доживаютъ остатки жизни.

По причинамъ, объясненнымъ ниже, платежъ казенной подати взялъ я собственно на себя: ибо я имѣю счетъ съ уѣзднымъ казначействомъ и я получаю отъ него квитанціи. Взысканіе же помощи мнѣ на пла-

тежъ сихъ податей расположилъ по общему мѣрилу моему, цѣнѣ рабочаго дня, слѣдующимъ образомъ:

Выше сказалъ я, что поселянинъ, по самому безобидному для него счету, издерживаетъ 150 рабочихъ дней въ году, или ихъ цѣну, на то, чтобъ имѣть собственность. Равное же число дней, при помощи обыкновенныхъ благодѣяній природы, совершенно достаточно на то, чтобы заставить сію собственность принести лихву свою, т.-е. его удовольствіе. Воскресенья и сверхъ оныхъ десять праздниковъ слѣдуетъ исключить: сіи 62 дня необходимо должны посвящаться религіи, отдохновенію и радостямъ жизни. Затѣмъ остается еще три дня въ году. Куда приличнѣе употребить ихъ какъ не на службу государству, т.-е. на взносъ личной подати?

На семъ основаніи принялъ-было я цѣну трехъ дней земледѣльческой работы мѣрою казенной повинности для одного лица, уравнивая всѣ возрасты. Три дня работы въ году, или, по нынѣшней оцѣнѣ, 90 копѣекъ, не составитъ никакого затрудненія и для немѣющаго вовсе собственности подданнаго. Но вышедшій въ нынѣшнемъ году высочайшій манифестъ заставилъ меня прибавить еще четвертый день и назначить постоянную мѣру казенной повинности для всѣхъ живущихъ у меня людей мужескаго пола, въ 1 р. 20 к. Это и продолжится до тѣхъ поръ пока правительство, выведя изъ обращенія избыточное число ассигнацій, возстановитъ цѣну денегъ, слѣдовательно и личная подать, которая на массѣ ихъ въ государствѣ основана, естественно уменьшена будетъ. Но 1 р. 20 к., неплатимые втеченіи 20 лѣтъ, составятъ, съ процентами, сорокъ четыре рубля; слѣдовательно, молодой поселянинъ, вступая въ совершеннолѣтіе, будетъ нести на себѣ казеннаго долгу 44 р. Онъ можетъ или уплатить оный единовременно, или, что для него гораздо выгоднѣе, расположить выплату на слѣдующіе 20 лѣтъ. Если, по примѣру 20-лѣтняго банка, и взявъ въ разсужденіе прибавленный нынѣ шестой процентъ, также рискъ, предстоящій для казны отъ смертныхъ случаевъ, вмѣсто прежнихъ банковыхъ осми положить десять процентовъ ежегоднаго взносу съ капиталной суммы, то придется ему платить по 4 р. 40 к., а съ приложеніемъ ежегодной, или текущей подати (1 р. 20 к.), всего пять рублей шестьдесятъ копѣекъ; т.-е. цѣна $18\frac{2}{3}$ дней работы въ годъ (а по прежнему предположенію 14 дней),—между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ отцамъ семейства приходится очень часто платить въ полтора раза болѣе сказанной суммы.

Чтобъ доказать вашему превосходительству, что казна не потеряла бы ничего при такомъ распоряженіи, донесу, съ живого примѣра, что, по счету въ селѣ моемъ, подать четырехъ

рублей двадцати копѣекъ для взрослыхъ до сорока-одного года жизни, и девятиста копѣекъ отъ сорока одного года до шестидесяти-перваго года составляетъ	418 р. 50 к.
Подать пяти рублей шестидесяти коп. для первыхъ, и рубля двадцати коп. для послѣднихъ, составила бы	558 » — »
Наконецъ подать семи рублей для первыхъ, и одного руб. пятидесяти коп. для послѣднихъ составила бы	697 » 50 »
Дѣйствительно же платимая, на основаніи итога ревизской сказки, подать, съ накладными и пр., составляетъ	478 » 89 »

Я положилъ навсегда довольствоваться первою суммою, основанною на взысканіи съ взрослыхъ земледѣльцевъ цѣны 14 дней работы, какъ бы ни были многочисленны ихъ семейства, а цѣну трехъ дней работы отъ сорокъ перваго до шестидесяти перваго года жизни. Недостающее же къ тому въ массу казенной подати, какова бы она ни была въ предбудущее время, долгомъ поставилъ прибавлять изъ собственныхъ денегъ, чтобъ не дѣлать перемѣны въ едва установившихся постановленіяхъ.

До сихъ поръ я говорилъ вашему превосходительству о личной подати, принадлежащей государству. Перехожу къ общественному сбору.

Село мое, какъ ни мало по числу жителей, но имѣетъ тѣже надобности, какъ и большія общества (города, столицы). Ежели я сему малому обществу возвращаю всѣ его гражданскія права и себя заключаю въ предѣлахъ съ нимъ общихъ, то самая справедливость требуетъ, чтобъ оно несло тѣ повинности, которыя охотно принимаютъ на себя большія общества ради сохраненія собственности и личной безопасности, сихъ двухъ главныхъ предметовъ общественной жизни. Имѣя судъ и расправу, на правилахъ основанные, имѣя полицію, поселяне мои должны содѣйствовать къ ихъ содержанію. Несправедливо было бы возложить всю сію тяжесть на меня одного: я не что иное какъ ихъ согражданинъ. Приношеніе имъ моего времени, моего покоя, есть уже жертва, которая остается неоплаченною. Прилично ли требовать отъ меня новой?

Итакъ, обращаясь къ вышензображенному понятію о подати и сборѣ, я суммы, потребныя на содержаніе моего малаго общества въ порядкѣ, располагаю уже не на лица, но на имущества.

По расчисленію нуждъ нашихъ достаточно, если каждый владѣлецъ участковъ внесетъ въ пользу общества съ десятины пахатной земли цѣну полутора дни работы въ годъ; что составляетъ, — оцѣны десятины какъ выше сказано, въ 150 дней работы, сотую долю цѣны ея. Сѣнокосъ считать не слѣдуетъ, какъ на продовольствіе одного скота служащій. Около тысячи десятинъ пахатной земли состоитъ

въ пожизненномъ оброкѣ, т.-е. въ полномъ владѣніи у моихъ поселянъ; что составитъ сумму, равную цѣнѣ 1500 дней работы. Я получаю отъ сей земли доходъ равный съ ними, ея владѣльцами; слѣдовательно справедливость требуетъ, чтобъ и я платилъ обществу равную всей сложности ихъ сумму. Но какъ я, по личнымъ для меня отношеніямъ, въ которыхъ они нисколько ни участвуютъ, принадлежу и къ другому, большому обществу, т. е. государству, котораго и членъ прежде ихъ, или лучше сказать, для котораго я, по законамъ, въ одномъ моемъ лицѣ всѣхъ ихъ представляю, то и долженъ я раздѣлить сей мой платежъ на двѣ доли. ибо собственность у меня одна. а обязанностей двѣ: въ отношеніи малаго и въ отношеніи большого обществъ. Не входя въ вычисленія, неудобовозможныя по неимѣнію данныхъ задачи, обѣихъ сихъ моихъ обязанностей (какъ, напримѣръ, въ отношеніи поселянъ, вспоможеніе имъ въ недородѣ, и пр. и пр.), скажу только, что мнѣ казалось, что я, какъ помѣщикъ владѣемой ими земли, плативъ половину того, что всѣ они вообще вносятъ, дѣлаю едва ли не болѣе, нежели отъ меня потребовано быть можетъ. Другую половину долженъ я сберегать на тѣ сборы, которыхъ большее общество въ правѣ требовать отъ меня, какъ отъ своего сочлена. Въ отношеніи къ нему все имѣніе мое есть моя собственность, и она призрѣна и ограждена правительствомъ посредствомъ войска, судебныхъ мѣстъ, полиціи... Въ семъ-то разумѣ я отдѣляю часть другой половины общественныхъ сборовъ на дополненіе казенной съ поселянъ моихъ подати; въ семъ разумѣ несу, безъ участія ихъ, всѣ платежи по экстраординарнымъ отъ правительства предписаніямъ.

Весь сборъ, поступающій ежегодно на общественныя нужды села въ его кассу, составляетъ теперь, на вышеизложенномъ основаніи, 675 рублей, или, по неизмѣняемому счету, цѣну двухъ тысячъ двухъ сотъ пятидесяти дней работы.

Сія сумма не только совершенно достаточна на всѣ наши нужды, но, при помощи доходовъ чрезвычайныхъ, остается еще избытокъ, употребляемый на раздачу поселянамъ въ займы, какъ выше я имѣлъ честь донести. Чрезвычайные доходы, и притомъ важнѣйшіе изъ нихъ, извѣстны уже изъ сказаннаго выше; сверхъ того причисляются къ нимъ: добровольныя приношенія отъ богатыхъ поселянъ, пени съ виноватыхъ, сборъ съ отпусковъ изъ села (въ обузданіе тѣхъ, кои, по дурной привычкѣ къ промысламъ, среди самаго лѣта ходятъ за солью или за рыбой), двадцатый улей каждую осень, собираемый со всѣхъ пчельныхъ хозяевъ, и проч. Само собою разумѣется, что и помѣщикъ подчиненъ сему послѣднему сбору на ряду съ другими.— Ваше превосходительство можете судить о нашей общественной Кре-

сто-Воздвиженской суммѣ изъ того, что въ прошедшемъ году вошло въ кассу 1717 рублей съ копѣйками, полагая, однако, въ семь же счету и казенныя подати, составляющія 478 р. 89 коп.

Въ числѣ расходовъ я еще не именовать: 1) жалованье священнику, составляющее цѣну 833¹/₂ дни работы, или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 250 руб.; 2) жалованье дьячку и пономарю, вообще 331¹/₂ дн. раб., или 100 р., кромѣ участковъ земли, которыми они владѣютъ на ряду съ поселянами, но безъ взысканія съ нихъ повинности. Священникъ и они не получаютъ уже никакой платы отъ поселянъ за исполненіе своей должности, т.-е. за мірскія требы. Распоряженіе это, освобождающее ихъ отъ всякой, отъ поселянъ и меня, зависимости, подтверждено уже святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ въ 1806 году. 3) Цѣна ста дней работы ежегодно назначается для награжденія отъ думы двухъ лучшихъ земледѣльцевъ, изъ которыхъ одинъ получаетъ цѣну 80-ти дней, а другой, какъ accessit, 20-ти. Сіе награжденіе дѣлается торжественно по окончаніи жатвы, и именно въ храмовой нашъ праздникъ Воздвиженія Креста Господня.—4) Расходы на починку церкви; 5) содержаніе сельской аптеки и подлекари; 6) жалованье сторожу при думѣ, и наконецъ 7) матеріальное (канцелярское) ея содержаніе.

Я бы могъ донести вамъ, м. г., еще нѣчто о правилахъ, на которыхъ раздается общественная сумма поселянамъ въ займы; о сбереженіи и разведеніи лѣсовъ отдачею ихъ также въ собственность поселянамъ, на опредѣленныхъ правилахъ; о мѣрахъ, которыя приняты для ограниченія разныхъ привычекъ здѣшняго народа, вредныхъ земледѣлію; о способѣ взысканія долговъ, и проч. и проч. Но я опасаясь занять васъ подробностями, кои меньше достойны замѣчанія вашего нежели то, что я необходимостію счелъ сказать до сихъ поръ. Но чтобы нѣкоторымъ образомъ замѣнить и сей недостатокъ, я прилагаю у сего алфавитъ постановленій нашихъ вообще, такъ какъ они внесены въ записки думы. По крайней мѣрѣ содержанія оныхъ будутъ вамъ извѣстны.

Изъ всего вышепредставленнаго мною ваше превосходительство можете судить: помѣняются ли мои поселяне на состояніе работниковъ англійскихъ фермеровъ, работниковъ, лишенныхъ не только всякой недвижимой собственности, но большею частію и всякой надежды имѣть ее когда-либо? Вы, также, лучше меня можете судить: нашелъ ли я середину между безпечностію капиталиста, для котораго *ubi bene ibi patria* и употребленіемъ помѣщичьихъ людей какъ рабовъ, которыми упрекаютъ насъ чужестранцы? Впрочемъ я отнюдь не вообра-

жаю себя изобрѣтателемъ; я знаю, напротивъ, множество сельскихъ учреждений подобныхъ моему и увѣренъ, что мысль о такомъ отношеніи между помѣщиками и ихъ поселеніями, какое я здѣсь имѣлъ честь изобразить, есть общая мысль русскаго дворянства, и какъ бы ему врожденная. Тысячи благотѣльныхъ заведеній въ разныхъ мѣстахъ, отъ Двины и Волги до Днѣстра,—искренняя привязанность большей части поселенъ къ ихъ помѣщикамъ, несомнительно это доказываютъ. Я вижу, съ одной стороны, начальниковъ, которымъ званіе представляетъ способы быть просвѣщеніе своихъ подчиненныхъ, а собственная польза и честь, кромѣ другихъ чувствованій, велятъ любить ихъ;—съ другой, вижу дѣтей, которымъ нужны отцы. Правда, можно находить въ пространномъ нашемъ царствѣ и противное тому, но,—есть-ли въ природѣ вещей добро безъ зла? И какое званіе свободно отъ упрековъ, что въ немъ были изверги? Взгляните на исторію..

Политическія начала наши основываются не на Парижской энциклопедіи, но на энциклопедіи другой, несравненно древнѣйшей: на Библии. Цари наши не суть репрезентанты народа (мечтаніе нелѣпное!), но репрезентанты Того, Который „владѣетъ царствами и ему же хочеть даетъ“. Въ нашей системѣ каждый членъ великой лѣстницы существъ представляетъ, для подчиненныхъ себѣ, то первообразное лицо, которое его на чреду поставило. Симъ обезпечивается подчиненность, а подчиненностію обезпечивается порядокъ въ государствѣ. Древняя, донинѣ въ буряхъ вѣковъ и перемѣнъ уцѣлѣвшая въ Россіи гіерархическая зависимость—есть нить связующая Государя съ послѣднимъ изъ подданныхъ. Государь—сіе средоточіе подчиненности и порядка, приводящее собою постепенно все въ движеніе, озаряющее все, есть уже послѣдній видимый предметъ всеобщаго почитанія; но гіерархическая нить, скрываясь отъ бранныхъ нашихъ очей, идетъ далѣе; она оканчивается тамъ, у престола Монарха міровъ.

Въ заключеніе сего письма откровенно скажу вамъ, м. г., какъ одному изъ просвѣщеннѣйшихъ чиновниковъ въ Имперіи, слѣдующую мысль: Правительство наше, подлинно-благотворное по свойству своему и по личнымъ качествамъ возлюбленнѣйшаго нашего государя, едва-ли не болѣе могло бы сдѣлать пользы русскому народу вліаніемъ, какое оно въ состояніи имѣть на помѣщиковъ, направленіемъ, какое въ силахъ дать всѣмъ поступкамъ ихъ, чѣмъ освобожденіемъ такъ-называемыхъ рабовъ, тѣмъ или другимъ способомъ, изъ мнимой неволи. Я смѣю думать также, что тѣ изъ насъ, мелкопомѣстныхъ, которые разрѣшаютъ сей государственный узелъ, соединяющій всѣ состоянія, обманываютъ самихъ себя, воображая, что они дѣлаютъ добро. Они слагаютъ съ себя почтенное бремя, Провидѣніемъ и ко-

ренными законами на нихъ возложенное, для того чтобъ 'съ капиталами своими погрязнуть въ лѣнности и развращеніи городовъ, чтобъ быть праздными зрителями, а не орудіями хода государственнаго.

Имѣю честь быть, съ совершеннымъ почтеніемъ и глубокою преданностію, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Василій Каразинъ.

Января 30 дня 1810 года.

III.

Записка, препровожденная мая 5-го дня 1820 года къ императору Александру Павловичу графомъ М. С. Воронцовымъ и княземъ А. С. Меншиковымъ, чрезъ руки статсъ-секретаря графа Каподистріа.

„Нѣсколько помѣщиковъ, бывъ одушевлены чистымъ доброжелательствомъ къ любезному нашему отечеству Россіи, искреннѣйшею благодарностію къ великому ея государю и чувствованіемъ обязанностей дворянства, къ которому за честь поставляютъ принадлежать, имѣютъ намѣреніе составить общество подъ руководствомъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, котораго цѣлю должно быть изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства, какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, въ сіе общество вступающимъ. Они увѣрены, что таковое удаленіе единого справедливаго и важнаго порицанія, которому дворянство, среди всей славы отечества своего, подвергается въ глазахъ просвѣщенныхъ народовъ, есть въ настоящее время дѣло не только справедливое, но и благородное. Но, какъ всякое подобное намѣреніе не можетъ и не должно имѣть своего начала безъ высочайшаго соизволенія, то и повергается сія мысль на всемілостивѣйшее воззрѣніе премилосердаго государя нашего, безпрестанно пещущагося о благѣ своихъ подданныхъ“.

Примѣчаніе на копіи съ записки: Подлинную записку подписали, кромѣ вышеозначенныхъ гг. генераль-адъютантовъ, братья Александръ и Николай Тургеневы, и, можетъ быть, еще кто; но мнѣ неизвѣстно.

В. Каразинъ.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ*).

I.

ПИСЬМО КЪ КНЯЗЮ АДАМУ ЧАРТОРЫСКОМУ.

21 ноября 1804 г.

Статья эта, — равно какъ и другая, помѣщенная ниже, того же автора, (записка о метеорологіи, 1810 г.) получены редакціею отъ Ф. В. Каразина при слѣдующихъ строкахъ: «Мм. гг.! Несмотря на то, что статьи моего покойнаго отца, напечатанныя въ «Р. С.», удостоились не совсѣмъ-то лестныхъ отзывовъ со стороны нѣкоторыхъ нашихъ газетныхъ критиковъ, придерживающихся, какъ видно, больше крайнихъ (?) взглядовъ, чѣмъ среднихъ, которые были свойственны В. Н. Каразину, — посылаю вамъ еще двѣ его бумаги, въ надеждѣ видѣть ихъ помѣщенными на страницахъ вашего прекраснаго изданія. Первая изъ этихъ бумагъ (письмо къ кн. Чарторыскому, 1804 года, о Сербяхъ) можетъ служить дополненіемъ политической характеристики В. Н. Каразина, а другая (записка о метеорологіи, читанная имъ въ императорскомъ московскомъ обществѣ естествоиспытателей, въ 1810-мъ году), дастъ нѣкоторое понятіе о его дѣятельности на пользу наукъ. Обѣ онѣ писаны на французскомъ языкѣ, почему прилагаю вмѣстѣ съ переводомъ и подлинный текстъ, который весьма желательно было-бы видѣть напечатаннымъ en regard, какъ для удовлетворенія вѣроятнаго любопытства нѣкоторыхъ читателей, такъ и для доказательства основательнаго изученія авторомъ французскаго языка, который хотя и былъ въ его время у насъ почти въ такой же модѣ какъ и теперь, но рѣдко, однакожъ, изучался грамматически; какъ то можно видѣть даже изъ писемъ великой Екатерины, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ». Что бумаги эти были писаны самимъ Василиемъ Назаровичемъ, въ томъ можно удостовѣриться изъ прилагаемыхъ черновыхъ**). А употребленъ имъ иностранный языкъ, вмѣсто родного, потому, что князь Чарторыскій лучше понималъ по-французски, чѣмъ по-русски; московское же общество естествоиспытателей имѣло обыкновеніе печатать акты свои не на отечественномъ языкѣ. Какъ письмо къ князю Чарторыскому, такъ и записка о метеорологіи были напечатаны: первое въ газетѣ М. П. Погодина «Русской», въ 1868-мъ году, а второе отдѣльной брошюрой, въ Харьковѣ, въ 1812-мъ году***); но какъ упомянутая газета имѣла, къ сожалѣнію, весьма немного подписчиковъ, а пятидесятилѣтняя брошюрка составляетъ теперь библиографическую рѣдкость, немногимъ, конечно, извѣстную, то и полагаю, что читатели «Русской Старины» не взыщутъ за помѣщеніе этихъ историческихъ документовъ на ея страницахъ, тѣмъ болѣе, что письмо къ Чарторыскому было напечатано съ нѣкоторыми пропусками и безъ французскаго подлинника».

Ф. Я.

*) См. «Русскую Старину», т. II, стр. 307 и 532; т. III, стр. 16 и 326.

**) Что эти черновыя дѣйствительно подлинныя, судя по бумагѣ и по вѣстному почерку В. Н., въ томъ не представляется сомнѣнія. Ред.

***) Вотъ подлинное заглавіе второй весьма рѣдкой брошюры: «Mémoire, lu à la société Impériale des Naturalistes (de Moscou), dans la Séance du 15 Mars 1810, par le membre ordinaire B. N. Karasinn». Kharkoff, de l'imprimerie de l'Université; an 1812. Avec la permission du comité de censure, constitué pour l'arrondissement de l'Université Impériale de Charkow. 9 Janvier 1810. (Signé) Antoine Dugour, professeur ordinaire. 10-ть страницъ, въ 8^о. Ред.

Исполняя желаніе уважаемаго нашего сотрудника, мы дали мѣсто въ «Русской Старинѣ» вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ и французскому подлиннику письма 1804 г.; что же касается до записки о метеорологіи, то мы ограничиваемся печатаніемъ одного русскаго перевода. Кстати, считаемъ не лишнимъ сдѣлать оговорку, забытую нами при помѣщеніи въ мартовской книжкѣ «Р. С.» (т. III стр. 326—366) письма В. Н. къ губернатору Бахтину, 1810 г., что это письмо напечатано нами съ подлинной рукописи В. Н. того времени, которую мы имѣли въ рукахъ. И вообще, нами принято за правило не помѣщать ничего не подлиннаго, безъ надлежащей о томъ оговорки. Содержаніе этого письма (устройство поселянъ села Кручника) почти тоже, что было напечатано въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей» 1861 года (смѣсь, стр. 136—176), подъ заглавіемъ: «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ», и пр.; но какъ подъ этимъ заглавіемъ у насъ есть подлинная рукопись В. Н. совсѣмъ иного содержанія (съ которою мы надѣемся познакомимъ читателей «Р. С.» въ непродолжительномъ времени), и какъ, при томъ, письмо къ Бахтину (черновое, находившееся у насъ, съ собственноручною пометкою В. Н., что оно «при перепискѣ во многомъ измѣнено»), дѣйствительно разнится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ вышесказанной статьи, напечатанной въ «Чтеніяхъ», то мы и сочли не лишнимъ помѣстить въ нашемъ изданіи этотъ историческій матеріалъ въ первоначальномъ его видѣ.

Ред.

Свѣтлѣйшій князь!

Милостивое участіе, принимаемое вами въ моемъ горестномъ положеніи, даетъ мнѣ смѣлость представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости нѣсколько относящихся къ этому положенію мыслей, которыя, можетъ быть, обратятъ на себя вниманіе ваше, даже какъ министра иностранныхъ дѣлъ, и тѣмъ дадутъ вамъ, болѣе чѣмъ одно простое великодушіе, поводъ замолвить за меня предъ государемъ императоромъ слово, которое бы рѣшило мою участь.

Двѣ недѣли тому назадъ узналъ я изъ писемъ, полученныхъ мною

21 Novembre 1804. Au Prince Czartoryskij.

(Черновое письмо собственной руки В. Н. Каразина).

Mon Prince! Enhardi par la manière tout-à-fait généreuse, dont Votre Altesse daigne prendre part à ma triste situation, j'ose lui soumettre une combinaison d'idées y relative, qui m'a paru n'être pas indigne de son examen même en qualité de Ministre, et qui, par là, lui donnant d'autres motifs d'agir en ma faveur que ceux d'une simple bienveillance, n'en pourra pas moins déterminer mon sort.

Il y a plus de quinze jours que des lettres de l'Ukraine (qui seront présentées à Votre Altesse aussitôt qu'Elle l'ordonnera) m'ont informé de l'existence d'une mission secrète auprès de notre Souverain de la part des Serbes turcs insurgés, mes ci-devant compatriotes *). Le but de cette mission doit être d'implorer un prompt secours dans les circonstances où se trouve ce peuple, tyrannisé de tout tems, et maintenant réduit au désespoir par les horreurs de la guerre intestine de ses maîtres. Il est facile à prédire que ce secours, indéterminé même par les plein-pouvoirs des Serbes, ne saurait être de quelque efficacité pour eux, qu'en compromettant plus ou moins nos relations avec la Porte, et, vraisemblablement, encore d'avantage avec l'Autriche. La politique de cette

*) Mon grand-père en était originaire.

изъ Малороссіи (которая, по первому вашему требованію, буду имѣть честь вамъ представить), что въ Сербіи готовится тайное посольство къ нашему всемилостивѣйшему государю отъ возставшаго тамъ народа, родного мнѣ по происхожденію *). Цѣль этого посольства умолять о безотложной помощи въ тѣхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ Сербія поставлена какъ всегдашней тиранией турокъ, такъ, въ особенности, теперешней ихъ жестокостію по случаю возникшихъ у нихъ междоусобій. Легко предвидѣть, что для оказанія этой помощи, не опредѣленной даже самими отправителями посольства, необходимо, если только захотятъ сдѣлать ее дѣйствительною для сербовъ, нарушить дружескія наши сношенія не только съ Портою, но и съ Австріей; и съ послѣдней еще преимущественно, такъ какъ держава эта всегда страшится, и не безъ причинъ, многочисленныхъ славянскихъ племенъ, находящихся подъ ея гнетомъ и привыкшихъ дѣйствовать дружно съ своими собратьями, несмотря на отдаленность разстояній и различіе правительствъ. Она заподозривъ, въ малѣйшемъ нашемъ официально-выраженномъ желаніи улучшить судьбу несчастныхъ, преднамѣренныя съ нашей стороны революціонныя цѣли, угрожающія ей самой.

А между тѣмъ можетъ ли верховный повелитель свободныхъ славянъ, единственный защитникъ православной церкви, смотрѣть равно-

*) Дѣдъ мой по происхожденію сербъ.

В. Е.

dernière cour a toujours redouté, non sans raison, les nombreuses tribus Slaves opprimées par son despotisme et accoutumées de faire cause commune avec leurs semblables, malgré les distances des lieux et la diversité des gouvernemens. Elle soupçonnera dans le moindre mouvement officiel pour adoucir le sort de celles-ci, des réactions soutenues et guidées par notre ministère; elle craindra des suites révolutionnaires pour elle-même.

Cependant le chef illustre des tribus libres des Slaves, l'unique chef Suprême de leur église, pourrait-il laisser leurs infortunés frères en proie aux fléaux les plus désastreux? Son cœur magnanime saurait-il refuser toute assistance et anéantir d'un seul coup l'espoir des millions d'hommes, dont les yeux sont tournés vers Lui, comme vers un Dieu-libérateur, qu'ils adorent déjà comme un Messie vainement attendu pendant des siècles *)?

Il me paraît qu'il existe un milieu entre ces deux extrémités: celui d'influence active non-avouée, qui, pour ne pas donner la plus légère inquiétude aux Puissances pourrait même être réduite à une simple approbation tacite que Sa

*) Ceci n'est pas une figure de rhétorique, mais une vérité à la lettre, que d'autres que moi pourront constater: il n'y a pas un Slave, tant soit peu à son aise, qui n'ait chez lui, comme un objet de vénération, le portrait de Sa Majesté.

душно на всѣ скорби народовъ, близкихъ имъ и по крови и по религіи? Великодушное его сердце захочетъ ли, отказавшись отъ всякой имъ помощи, погасить въ миллионѣхъ сердецъ надежду на него, какъ на Бога-избавителя, какъ на ожидаемаго ими столько вѣковъ Мессію, которому они уже заранѣе поклоняются *).

Между этими двумя крайностями есть, кажется мнѣ, середина, именно: вліяніе активное неоглашенное, которое, для отклоненія всякаго опасенія державъ, могло бы ограничиться безмолвнымъ высочайшимъ одобреніемъ мѣръ, предпринимаемыхъ Сербами, внутри и хъ страны, для своего избавленія.

Удостоите, свѣтлѣйшій князь, доложить государю императору, что я предлагаю себя въ руководители такихъ мѣръ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ не только не нарушили мирнаго настроенія нашей внѣшней политики, но и не были бы ни въ какомъ отношеніи невыгодны для Россіи (кромѣ развѣ собственной моей гибели, о которой и говорить не стоить). Отецъ мой, Екатерининскій полковникъ, былъ употребленъ почти для такого же дѣла передъ открытіемъ славной кампаніи, кончившейся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, — и успѣхъ его превзошелъ ожиданія: ему, по словамъ многихъ тогдашнихъ генераловъ, не

*) Это не риторическая фигура, а истина, — которую могутъ удостовѣрить другіе кромѣ меня: нѣтъ ни одного славянина въ Турціи, сколько-нибудь зажиточнаго, который бы не имѣлъ у себя въ домѣ, какъ предметъ особеннаго почитанія, портрета нашего государя.

В. К.

Majesté Impériale accorderait aux mesures intérieures du pays, capables d'avoir pour les Serbes des suites salutaires.

Mon Prince! veuillez bien rapporter à l'Empereur que je m'offre pour conduire des mesures pareilles, qui, loin de compromettre les opérations pacifiques de Votre ministère, ne présenteront pas même la moindre chance désavantageuse pour la Russie (si ce n'est, peut-être, la perte totale de ma chétive personne). Mon père, colonel sous Catherine II, avait été employé à une commission à peu-près semblable avant la fameuse guerre avec les Turcs; il y a réussi au delà de l'espérance, et c'est à lui, — si l'on doit en croire l'avoué de plusieurs généraux, que l'armée victorieuse de Roumanzoff doit une grande partie de ses succès. Il n'a risqué que ses jours. Que ferai-je de plus moi, qui, peut être avec le même courage, a cent fois plus de raisons d'indifférence pour la vie; moi qui, dans l'espoir de faire des choses utiles, ayant mis au jeu ma modique fortune et, plus encore, les bonnes grâces du meilleur des Souverains, ai tout perdu, tout sans réserve, hormis cette pauvre imagination, qui, m'éloignant sans cesse des affaires ordinaires, ne cessera, apparemment jamais, de me porter à des grandes et sublimes... visions!.. Prince! Vous connaissez à peu près mon état, ruiné totalement par ces efforts insensés de contribuer éminemment à la civilisation et à l'industrie de l'Ukraine, ma province-patrie. Ne pouvant, sans douleur, la voir, malgré ses richesses et les talents qui s'y offrent en foule, abandonnée à la chi-

мало была обязана армія Румянцова своими побѣдами. Онъ рисковалъ только своею жизнію. Тоже могу сдѣлать и я, имѣя, при меньшей, можетъ быть, отважности, гораздо болѣе причинъ не дорожить моими днями; ибо, рискнувши, въ надеждѣ быть полезнымъ моему отечеству, поставитъ на карту не только все мое скудное достояніе, но даже и милости лучшаго изъ монарховъ, я проигралъ все, рѣшительно все, кромѣ несчастнаго моего воображенія, которое, унося меня безпрестанно внѣ сферы обычныхъ дѣлъ, не перестанетъ, вѣроятно никогда, творить... сладкія мечты!. Князь! Вамъ извѣстно, отчасти, до какой степени разстроено мое состояніе безумными усиліями содѣйствовать блистательно къ просвѣщенію и процвѣтанію Украины, моей родины. Мнѣ больно было видѣть ее, богатую и дарами природы и талантами ея обитателей, въ поруганіи и презрѣніи; и я возмечталъ, что одного моего рвенія и скудныхъ моихъ средствъ достаточно на то, чтобъ уничтожить преграды, поставляемыя къ ея успѣхамъ. Словомъ, чтобъ не утомлять вашу свѣтлость повтореніемъ моихъ сѣтованій, скажу только, что теперь, не имѣя уже ничего болѣе терять, я хочу попробовать еще быть полезнымъ кому-нибудь своею личностію; но на этотъ разъ не для Малоросіи уже, которая начинаетъ смѣяться и надъ моими потерями и надъ собственными своими выгодами, потому только, что сіи послѣднія, несмотря на всю ихъ очевидность, подверглись, въ лицѣ моемъ, неодобренію начальства.

Изложивъ предъ вами, свѣтлѣйшій князь, такимъ образомъ, безъ

canes et au mépris, je me suis persuadé que mon zèle et mes pauvres moyens suffiront pour vaincre les obstacles qui s'opposaient à ses progrès. Enfin, pour ne pas Vous fatiguer par une répétition de mes élégies, désormais n'ayant plus rien à perdre, absolument rien, je veux encore faire usage de mon propre individu, et cela hors de cette Ukraine, qui commence à se moquer et de mes pertes personnelles et de ses propres avantages, puisque celles-ci, malgré leur évidence, ont subi, dans ma personne, l'improbation du gouvernement.

Après avoir ainsi exposé les motifs de ma résolution, sans les revêtir d'aucun masque, quel qu'il puisse être, j'aurais dû soumettre aussi à Votre Altesse mes moyens. Mais—un simple coup-d'oeil, jeté sur la carte de la Turquie européenne, coup-d'oeil, guidé par Vos lumières; cet Empire, déchiré par mille dissensions, tombant de toutes parts sans le moindre espoir de rétablissement; la position actuelle des affaires en Europe, qui, probablement, bien long-tems encore absorberont l'attention et le savoir faire de tous les cabinets; l'histoire de toutes les nations Slaves; les forces intérieures d'un peuple, habitant un des pays du monde les plus riches en productions,—d'un peuple qui, avec sa barbarie a conservé la pureté des mœurs, l'attachement le plus inviolable à ses principes, à sa religion, d'un peuple, enfin, qui a conservé tout ce qui constitue un grand caractère national: ses espérances dans le siècle où nous vivons et dans le trône de Russie, sa haine exaltée contre ses oppresseurs, haine qui

всякой утайки, побудительныя причины моего намѣренія, мнѣ оставалось бы объяснить вамъ также и средства, которыя я имѣю въ виду къ исполненію его. Но — одинъ простой взоръ, брошенный, при вашихъ, князь, познаніяхъ, на карту европейской Турціи; состояніе этого государства, раздираемаго внутренними междоусобицами, падающаго со всѣхъ сторонъ безъ всякой надежды на поднятіе; нынѣшнія дѣла въ Европѣ, обѣщающія долго и долго еще поглощать все вниманіе и умѣнье кабинетовъ; исторія всѣхъ славянскихъ племенъ; внутреннія силы народа, обитающаго одну изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ своими произведеніями странъ; народа, сохранившаго, вмѣстѣ съ своимъ невѣжествомъ, чистоту нравовъ, непоколебимую привязанность къ своимъ правиламъ, къ своей религіи, — народа, наконецъ, который сберегъ все, что составляетъ высокій національный характеръ: надежду въ настоящій вѣкъ и въ царей русскихъ, отъявленную ненависть къ своимъ притѣснителямъ, ненависть, начинающую уже одерживать верхъ надъ придавленностію и страхомъ, — всѣ эти факты, усмотрѣнные собственною вашею, князь, проницательностію, выскажутъ вамъ гораздо яснѣе, чѣмъ я могъ бы объяснить, средства, на которыя я надѣюсь. Одно могъ бы я прибавить: хотя я имѣю въ виду вліять на дѣла сербовъ только по инструкціи, какую вы мнѣ изволите дать, но одинъ уже постъ мой тамъ дастъ мнѣ всевозможныя удобства направить національный духъ къ предназначенной мнѣ дѣлѣ. Я потребую весьма мало денежнаго пособія, и то только передъ

commence à rompre les barrières de l'abrutissement et de la crainte, — tout ces faits, mon Prince, se présentent d'eux mêmes à Votre pénétration et Vous parleront bien plus énergiquement que je ne le saurais faire. Je n'ai, peut-être, qu'une réflexion à ajouter: quoique mon projet doit se borner à influencer les opérations des chefs Serbes d'après les instructions qui me seront données, par Votre Altesse, ce poste me donnera néanmoins toutes les facilités imaginables pour diriger l'esprit national vers le but qui me sera indiqué. Je ne demande que fort peu de secours et cela avant mon départ seulement. Je n'implorerai de Sa Majesté que la conservation de mon pauvre patrimoine et de mon existence politique pour le cas où je serai assez heureux que de retourner mourir chez moi après avoir prouvé à mon adoré Souverain que je n'étais pas tout-à-fait indigne de ses bontés et de sa confiance... Faisant sacrifice total de tout encouragement, que je serais même à portée d'obtenir, je ne demande point de caractère diplomatique; je changerai même de nom, s'il le faut. Un Serbe, retourné parmi ses compatriotes, après un service de quelque valeur dans la capitale de la Russie, un homme recommandé à leurs députés au nom de l'Empereur, — serait bien maladroit s'il ne parvenait pas à exécuter les choses même les plus hardies. Vous savez, mon Prince, que dans les entreprises de cette sorte, outre un peu des lumières, il ne faut que du zèle, de l'activité et de persévérance; et il me semble que je n'en manquerai pas.

отправленіемъ моимъ туда. Одной высочайшей милости смѣлъ бы я ожидать: сохраненіи моего малороссійскаго имѣнника и политической жизни на случай, еслибъ мнѣ посчастливилось возвратиться въ мое отечество, и кончить въ немъ дни мои, доказавши моему государю, что я не совсѣмъ былъ недостоинъ его милостей и довѣрія... Отказываясь заранѣе отъ всякихъ наградъ, еслибъ даже я и могъ ихъ заслужить, я желалъ бы, чтобъ мое отправленіе не имѣло никакого политическаго вида; думалъ бы даже переимѣнить самое мое имя, еслибъ это оказалось нужнымъ. Сербъ, возвращающійся къ своимъ соотечественникамъ послѣ нѣкотораго, не совсѣмъ безполезнаго служенія Россіи, человѣкъ, рекомендованный народнымъ депутатамъ именемъ самого государя, былъ бы очень недоволенъ, еслибъ не умѣлъ совершить тамъ самыхъ даже отважныхъ дѣлъ. Вы знаете, князь, что въ подобныхъ предпріятіяхъ нужно, кромѣ нѣкотораго образованія, только сильное желаніе, дѣятельность и устойчивость; и мнѣ кажется, что я не имѣлъ бы въ нихъ недостатка.

Сдѣлайте, ваша свѣтлость, какое угодно употребленіе изъ этого письма, лишь бы только оно не стало преждевременно извѣстнымъ нѣкоторымъ изъ вашихъ сотоварищей, которые истолкуютъ его неосновательно въ смѣшную сторону, какъ это уже не разъ случалось объ иными идеями; но что этого не случится теперь, въ томъ порукой мнѣ благородство души вашей, князь, и доброта сердца государя.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю

Je laisse ma lettre sans réserve à la disposition de Votre Altesse; il n'y a qu'une suite que j'en pourrais vraiment redouter: c'est d'être interprété d'une manière à me rendre ridicule par quelques-uns de vos collègues, si j'avais le malheur d'en être découvert aussi mal-à-propos que bien des fois ci-devant. Mais je dois être tranquille sur ce point: sans doute ni Vous, mon généreux Prince, ni le cœur noble de l'Empereur, ne voudront pas m'y exposer.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute estime et le plus sincère attachement de Votre Altesse le très-humble et très-obéissant serviteur Basile Karasine.

Supplément à ma lettre du 21 Novembre (à Son Altesse le Prince Czartoryski).

Le projet de rendre à l'existence politique les tribus Slaves, souffrantes sous le joug étranger, n'est pas nouveau. J'en trouve les traces bien marquées dans les archives diplomatiques de Moscou, dès l'année 1710, quoique l'histoire très-détaillée que nous avons de ce tems, n'en offre aucune notion. Sous l'Impératrice Elisabeth, on a fait venir douze enfants Monténégrins pour les instruire, dans le dessein, à ce qui paraît, de les renvoyer, adultes, dans leur pays, et d'établir par là un commencement de communication des lumières et de l'esprit public entre la Russie et ces tribus. Ces mesures,—à en juger d'après quelques indices du tems,—devaient être sérieusement continuées; mais peu-à-peu des changemens survenus dans le Ministère et son système, surtout ceux, qui sont

честь быть вашей свѣтлости всепокорѣйшій слуга Василій Каразинъ.

Дополнительная къ этому письму записка, представленная В. Каразинымъ князю Чарторыскому недѣлю спустя.

Мысль о возвращеніи политическаго существованія славянскимъ народамъ, находящимся подъ игомъ иноплеменниковъ, — не нова. Я нахожу слѣды ея, весьма замѣтные, въ дипломатическихъ дѣлахъ московскаго архива, еще съ 1710 года, хотя исторія того времени, имѣющаяся у насъ въ довольно пространномъ видѣ, и не упоминаетъ о ней ни слова. При Елисаветѣ взяты были изъ Черногорья двѣнадцать дѣтей, съ цѣлю образованія ихъ и потомъ возвратити на родину, дабы положить тѣмъ начало духовнаго общенія этого народа съ Россією. И мѣру эту предполагалось поддерживать серьезно, какъ видно изъ многихъ тогдашнихъ распоряженій; но мало по малу, перемѣны, происшедшія въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ ея системѣ, въ особенности послѣ родственнаго союза двора нашего съ австрійскимъ, прекратили эти попытки совершенно. Не буду упоминать о мысляхъ и предпріятіяхъ Екатерины II-й, которыя можно было бы отнести также къ этой цѣли, такъ какъ онѣ, собственно говоря, были только побочными нитями славнаго ея намѣренія возстановити христіанскую Византію и ея имперію, — намѣренія, кончившагося, увы! послѣ столькихъ истраченныхъ милліо-

résultats de l'alliance de notre Cour avec l'Autriche, les ont fait oublier complètement. Je ne parlerai pas des idées et des entreprises de Catherine II, qui pourraient de même y avoir rapport, car elles n'étaient, à proprement dire, que les accessoires de Son grand projet, de ressusciter la Bizance chrétienne et son Empire. Ce magnifique projet, hélas, après avoir coûté des millions en armemens et la vie à bien des braves, tant russes, que moldaves, grecs, et slaves, sans compter les ennemis, — n'a fini que par la prise de la Crimée, changée en désert du pays délicieux et très peuplé qu'elle était sous les Turcs. Il semble en effet, que nos destinées nous portent à dévaster tout, en étendant nos limites; c'est à la manière des Vandales et des Huns que nous avons, jusqu'à présent, fait usage et de nos victoires et des forces incommensurables intérieures, qui nous en ont donné les moyens. Je suis persuadé que le génie pacifique, le génie réparateur qui est maintenant sur le trône, a des idées bien différentes et plus salutaires pour le total de l'humanité; et voilà pourquoi, entr'autre, j'ose renouveler le projet en question.

Il y a trois choses dans ce projet, comme dans tout autre, à considérer: 1) Son utilité, ou plutôt nécessité pour l'époque; 2) Sa possibilité, ou les moyens de son exécution; et 3) ses suites (humainement parlant).

новъ и прелитіа столько крови, и русской, и молдавской, и греческой, и вообще славянской, не считая уже непріятельской, — покореніемъ только Крыма, который мы превратили въ пустыню изъ прекрасной и многолюдной страны, какою онъ былъ у турокъ! Намъ, ко истинѣ, какъ будто уже судьбой назначено: опустошать все пространство наши предѣлы, пользоваться на манеръ вандаловъ и гунновъ и побѣдами нашими и неисчерпаемыми внутренними силами, дающими средства побѣждать. Я увѣренъ, что геній мира и благотворнаго соизданія, возсѣдающій нынѣ на престолѣ русскомъ, мыслить иначе и заботится болѣе о благѣ всего человѣчества; поэтому-то, между прочимъ, и взялъ я смѣлость возобновить славянский вопросъ.

Въ предлагаемомъ мною проектѣ, какъ и во всякомъ другомъ, должны быть приняты въ соображеніе три вещи: 1-е) его польза, или, скорѣе, необходимость его относительно настоящаго времени; 2-е) его возможность, или средства къ исполненію; 3-е) его послѣдствія въ отношеніи люда Божьяго.

1.

Всякое государство, также какъ и всякой человѣкъ въ отдѣльности, должно, кажется, имѣть цѣлю своего существованія благоденствіе общее; исключительное же себелюбіе ведетъ, напротивъ, также мало къ истинному и прочному преуспѣванію массъ людей, какъ и cadaго въ частности; это доказано тысячами примѣровъ. Но если

1.

Il paraît que l'existence d'un Etat, de même que celle de chaque individu est faite pour contribuer à la félicité générale: l'égoïsme exclusif, au contraire, procure aussi peu un bonheur réel et durable pour les masses d'hommes que pour les hommes séparément; ce que mille exemples ont assez prouvé.

Mais, si régner pour le bonheur des autres est une maxime applicable à tout Empire, à tout gouvernement, elle doit l'être d'autant plus naturellement à ceux de la Russie. Sa civilisation, restée en arrière, l'immensité de son étendue à raison de sa population, et son site pour ainsi dire sur les confins du monde, la faisant jouir de tout bien-être, de tout progrès, même les plus éloignés pour elle, ne lui présentent nul avantage à tirer des désastres des autres pays. On peut dire plus: le rôle sublime de la Russie semble être celui de défendre la cause du genre humain: aussi grande par ses forces internes, que naturellement indépendante sous tous les rapports, c'est à elle d'être la protectrice des opprimés, comme elle sera un jour l'arbitre des puissances.

Il existe un peuple attaché à elle par des liens moraux le plus généralement respectés. Etant assujéti par des barbares, dont les principes ne respirent que le mépris, la haine et la destruction de tout ce qui n'est pas eux, — ce peuple, opprimé, abruti, hors de toute liaison, de toute utilité pour les autres,

„владычествовать для блага другихъ“ должно быть правиломъ каждого государства, каждого правительства, то правило это слѣдуетъ въ особенности примѣнить къ царству русскому и къ правительству русскому. Отсталость въ просвѣщеніи, обширность пространства сравнительно съ народонаселеніемъ, и самое положеніе отечества нашего на краю, такъ сказать, свѣта, даютъ ему возможность идти впередъ и дѣлать успѣхи въ процвѣтаніи, не посягая на благосостояніе другихъ государствъ. Скажу болѣе: Россія, повидимому, предназначена завидная доля быть защитницей рода человѣческаго: богатая внутренними силами, независимая во всѣхъ отношеніяхъ, она должна быть покровительницей угнетенныхъ, какъ будетъ, современемъ, судьбою другихъ царствъ.

Есть народъ, связанный съ нею узами нравственными, наиболѣе уважаемыми повсюду. Порабощенный варварами, поставившими себѣ правиломъ презирать, ненавидѣть и истреблять все, что не составляетъ ихъ самихъ, народъ этотъ, угнетенный, придавленный, лишенный всякой общительности съ себѣ подобными, не имѣющій возможности быть полезнымъ ни себѣ, ни другимъ, изнывающій отъ всякаго рода недостатковъ среди природныхъ своихъ богатствъ, вызываетъ, цѣлый уже вѣкъ, къ Россіи, моля ее о помощи. Отчаявшись наконецъ въ ней, и доведенный до изступленія несчастіями, возрасславшими по мѣрѣ его покорнаго терпѣнія и неурядицы безсмысленнаго и жестокаго его правительства, онъ поднимается, берется за

dépérissant de misère au milieu des bienfaits de la nature, depuis cent ans demande à grands cris l'assistance de la Russie. Lâs d'attendre enfin, et réduit au désespoir par ses malheurs, qui se sont accumulés à mesure de sa servile patience et des désordres de son inepte et féroce gouvernement, il se lève dans une grande partie du pays, s'arme à la hâte, et, sans sévir encore contre ce gouvernement, il expédie ses envoyés auprès du trône de cette Russie, sur laquelle il a fondé son unique espoir et qu'il n'a jamais cessé de regarder comme sa véritable patrie. Comment refuser un secours dans des circonstances pareilles? Surtout lorsque ce secours, nécessairement voilé, peut se réduire à quelques moyens d'encouragement, à quelques conseils? Comment ne pas s'empresser de répondre à son impatience dans ces momens critiques, où tout va le porter aux excès les plus funestes et où, à la vérité, son irrésolution lui sera éminemment dangereuse? Il est aisé à prévoir, que même un refus décisif de notre part aux vœux des Serbes, augmentant leurs malheurs, ne sera à la Porte elle-même d'aucune utilité, car une fermentation pareille, une fois commencée dans un peuple à demi-barbare, ne s'arrête pas tout-à-coup. Agissant sans principes et sans plan, il n'en continuera pas moins ses efforts, et cela en raison de la faiblesse du gouvernement-maître qui perd chaque jour de son énergie et s'anéantit aux yeux de ses sujets plus visiblement encore qu'à ceux de l'Europe.

оружіе; но прежде чѣмъ употребить его въ дѣло, шлетъ отъ себя посланныхъ къ царю той державы, на которую онъ возлагаетъ всѣ свои надежды, которую привыкъ считать настоящимъ своимъ отечествомъ. Какъ отказать въ пособіи при такихъ обстоятельствахъ, и притомъ въ пособіи, которое, бывъ, по необходимости, прикрито, можетъ ограничиться однимъ поощреніемъ, однимъ совѣтомъ? Какъ не воспѣшить откланяться на нетерпѣливое ожиданіе въ такую критическую минуту, когда онъ готовъ броситься въ самыя пагубныя крайности, и когда, дѣйствительно, колебаніе его можетъ быть для него гибельно? Не трудно предсказать, что рѣшительный отказъ нашъ сербамъ увеличитъ только ихъ несчастія, не принеся никакой пользы самой Портѣ, ибо подобное броженіе, разъ начавшись въ народѣ непросвѣщенномъ, не останавливается вдругъ. Дѣйствуя безъ правилъ и безъ плана, возставшій народъ будетъ тѣмъ не менѣе сопротивляться упорно и тѣмъ съ большою силою, чѣмъ слабѣе будутъ становиться его властители, теряющіе съ каждымъ днемъ энергію и идущіе къ рѣшительному паденію быстрѣе еще въ глазахъ своихъ подданныхъ, чѣмъ въ глазахъ Европы.

2.

Я далекъ отъ мысли, чтобы правительство наше, измѣнивъ мгновенно свою политику, объявило Портѣ, что оно беретъ подъ свою защиту мятежныхъ сербовъ. Такая мысль была бы дѣйствительно достойна воспаленной головы (*tête chaude*, какъ угодно нѣкоторымъ

2.

Je ne prétends pas que la cour de Russie, manquant subitement à son système actuel, aille déclarer à la Porte qu'elle protège l'insurrection des Serbes. Loin de moi cette idée, vraiment digne d'une tête chaude (épithète dont on a bien voulu m'honorer maintes fois, mais que je n'ai pas la prétention de mériter). Voici, au contraire, in extenso, à quoi pourraient se réduire les mesures à suivre, que je prends la liberté de soumettre aux lumières de mon adoré Souverain et de son ministre.

1) Les députés Serbes seront incontinent congédiés, après qu'il leur aura été déclaré que Sa Majesté, vû l'identité de l'origine et de religion de leurs commettans avec celles de Ses sujets et de Sa propre personne, ne peut ne pas prendre part sincère à leur situation; que, toutefois, ne trouvant pas convenable, pour le moment, de rompre Ses liaisons amicales avec leur Souverain, Il veut bien appuyer par Son crédit auprès de la Sublime Porte les respectueuses démarches de la nation Serbe, auxquelles, d'après leur aveu, elle est contrainte par les circonstances alarmantes où elle se trouve. A cette déclaration officielle, le ministre ajoutera de sa part, verbalement, à la dernière audience, que, considérant la position nouvelle et tout-à-fait critique de leurs commettans par les représentations conditionnelles avec lesquelles ils vont se

называть меня, безъ сознанія съ моей стороны повода къ тому). Напротивъ, вотъ, въ сущности, тѣ мѣры, которыя я думаю бы возможнымъ въ настоящемъ случаѣ предпринять, и которыя рѣшился представить на благоусмотрѣніе обожаемаго мною государя и его министра.

Во-1-хъ, депутаты сербскіе должны быть отпущены немедленно послѣ того, какъ имъ объявлено будетъ, что его величество, въ уваженіе тождественности происхожденія и вѣры ихъ довѣрителей съ происхожденіемъ и вѣрою его самого и его подданныхъ, не можетъ не принять искренняго участія въ ихъ положеніи; но что однакожъ, не находя удобнымъ прерывать, въ настоящее время, дружественныхъ своихъ отношеній къ султану, онъ можетъ только ходатайствовать съ своей стороны о томъ, чтобы Высшая Порта обратила вниманіе на подданныческія представленія Сербовъ относительно претерпѣваемыхъ ими, по ихъ словамъ, бѣдствій. Послѣ такого официальнаго объявленія, ваша свѣтлость, съ своей стороны, изволили бы имъ сказать конфиденціально, на прощальной аудіенціи, что такъ какъ довѣрители ихъ будутъ поставлены въ довольно затруднительное и новое положеніе передъ турецкимъ правительствомъ требованіями себѣ, хотя и почтительными, но тѣмъ не менѣе сильными, улучшенія участи Сербіи, то, въ видахъ облегченія имъ этой задачи, а также для предохраненія ихъ отъ такихъ дѣйствій, которыя бы могли набросить тѣнь, какъ въ Константинополѣ, такъ и внутри ихъ страны, на политику Россіи, и тѣмъ

présenter devant le ministère Ottoman, et afin de les préserver tant chez eux, qu'à Constantinople, d'une façon d'agir qui, blessant les rapports politiques de la Russie, pourrait plutôt nuire que répondre aux résultats souhaités, Sa Majesté Impériale a jugé à propos de leur indiquer de Sa part une personne affidée qui pourra les guider dans leurs démarches; et que cette personne (c'est-à-dire moi, qui sera nommé et présenté aux députés dans cette audience) va partir, pour se rendre à sa destination par des voies et dans le tems que le ministère jugera convenable. Cependant, que Sa Majesté désire que cette grâce particulière, à laquelle Son cœur compatissant l'a porté, reste parfaitement inconnue, même à la nation Serbe, et que (pourrait-on ajouter encore) d'avance Elle est disposée à désapprouver hautement tout ce qui resulterait de la publicité de cette assistance.

2) Je supplierai, après cela, qu'il soit permis à quatre personnes, de mon choix, toutes sans la moindre liaison entr'elles, de quitter l'Empire, pour parvenir, chacune selon sa disposition et à son propre risque, à me joindre dans le campement des insurgés. Une de ces personnes sera un officier militaire; une—mécenicien; une—chimiste et minéralogue; enfin la dernière, secrétaire, habile en plusieurs langues européennes et celles de la Turquie, qui doit être mon unique aide dans les nombreuses rédactions à faire. Trois de ces messieurs, que j'ai déjà dans la pensée, sont des gentilshommes russes, bien élevés et d'un

самымъ скорѣе повредить, чѣмъ сдѣлать пользу ихъ дѣлу, государь императоръ считъ возможнымъ указать имъ на человѣка, который могъ бы руководить ихъ въ настоящихъ обстоятельствахъ; и что этотъ человѣкъ (т.-е. я, котораго ваша свѣтлость и изволили бы тутъ же назвать и представить имъ) отправится къ мѣсту своего, по этому случаю, назначенія тѣмъ путемъ, и въ такое время, которыя вы признаете удобными; но что при этомъ его величеству угодно, чтобъ такая его, особенная, милость, къ которой влечетъ его только чувство состраданія, оставалась совершенно неизвѣстною самому даже народу сербскому, и что,—можно было бы прибавить,—всякія дѣйствія сербовъ, могущія обнаружить эту милость, заслужать непременно гласное неодобреніе его величества.

Во-2-хъ, затѣмъ я просилъ бы, чтобъ дозволено было четыремъ, по выбору моему, лицамъ, неимѣющимъ ничего общаго между собою, вѣхъ за границу по собственному ихъ усмотрѣнію и на собственный страхъ, для присоединенія ко мнѣ въ лагерьъ инсургентовъ. Одинъ изъ нихъ будетъ военный, другой механикъ, третій химикъ и минералогъ, и четвертый секретарь, знающій европейскіе и турецкіе языки, для письменныхъ при мнѣ работъ, которыхъ предвидится немало. Трое изъ этихъ господъ, которыхъ я имѣю уже на примѣтѣ,—русскіе дворяне, хорошо образованные и готовые на всякія опасности; четвертый—сербъ. Я совершенно увѣренъ, что всѣ они охотно послѣдуютъ за мною, и конечно не будетъ риску сообщить имъ за-

caractère à affronter tous les périls imaginables; le quatrième est de la nation même. Je suis parfaitement sûr qu'il me suivront tous avec plaisir, et sans doute je ne compromettrai rien en leur communiquant en partie ce plan, j'entends à chacun en particulier. Ils recevront des passeports en forme jusqu'à des lieux respectivement différents à proximité de la Serbie, c'est-à-dire les plus proches où ils puissent parvenir sans réveiller des soupçons. Il n'y a pas même d'inconvénient si l'un d'entr'eux m'accompagne. Je pars, sans perdre de tems, pour l'étranger, muni d'un passeport de voyageur, sous mon véritable nom; je me dirige d'abord pour Berlin, y commets quelque soi-disante faute, qui puisse donner au gouvernement russe motif d'être mécontent de moi au point de me déclarer hors des lois. Heureusement tout est préparé pour faire accroire au public ma culpabilité, puisque déjà actuellement l'on me prend pour un homme perdu sans ressource dans l'idée de Sa Majesté, et il se trouvera, sans doute, assez de personnes de ma connaissance qui feront retentir au loin cette nouvelle histoire et rendront par là, à leur insu, un service patriotique justifiant notre ministère d'avance dans tout ce qui pourrait arriver de moi. Après cela je quitte Berlin et prends la route de Raguse par Vienne et Triest. Une fois dans les montagnes, je brûle mes papiers et me produis, sous le nom supposé d'un national, qui, après un long service en Prusse, retourne dans ses foyers. C'est alors que commencera ma dangereuse indépendance de

благовременно, разумѣется каждому особо, часть моихъ намѣреній. Они должны будутъ получить паспорта до разныхъ, каждый, мѣстъ, по близости Сербіи, чтобъ отклонить всякія подозрѣнія на счетъ цѣли ихъ поѣздки. Одному изъ нихъ можно было бы даже ѣхать вмѣстѣ со мною. Отправляюсь я, не теряя времени, съ заграничнымъ паспортомъ, какъ путешественникъ, подъ настоящимъ моимъ именемъ, черезъ Вѣну и Триестъ, въ Рагузу. Какъ скоро достигну горъ, уничтожаю мои бумаги и пускаюсь странствовать подъ видомъ серба, возвращающагося на родину послѣ долгой службы въ Пруссіи. Тогда-то начнется опасная моя независимость отъ всего и отъ всѣхъ (*Vogelfreyheit*), кромѣ инструкцій вашихъ, которыя я сохранию только въ памяти.

Въ-3-хъ. Когда депутаты сербскіе, возвратившись на родину, представятъ меня главному изъ начальнику, чтобъ дать мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, вѣсть, я не замедлю познакомиться, чрезъ его посредство, съ людьми вліятельными.

Въ-4-хъ. Первымъ моимъ дѣломъ будетъ учрежденіе временнаго правительства, которое бы и отправило отъ себя депутатовъ въ Константинополь для поступленія какъ сказано въ пунктѣ 1-мъ.

Въ-5-хъ. Если послѣдствія этой депутаціи, подкрѣпленной официальнымъ ходатайствомъ со стороны нашего посланника въ Константинополь, будутъ удачны, т.-е. если Порта дастъ Сербіи самоуправленіе, съ условіемъ только платить извѣстную дань,

tout au monde (*Vogelfreyheit*!) hormis des instructions données par le ministère, que je conserverai uniquement dans ma mémoire.

3) Après que les députés Serbes, de retour chez eux, m'auront introduit auprès du chef principal, afin de m'accréditer en quelque sorte, je ne tarderai pas de me procurer par lui, peu à peu, la connaissance des principaux personnages du pays.

4) Mon premier soin sera de les porter à organiser une espèce de Gouvernement et de faire nommer de sa part quelques députés pour Constantinople, qui agiront conformément à ce qui a été dit ci-dessus, dans l'article 1-er.

5) Si cette démarche, soutenue par l'entremise officiel de notre Ambassadeur, réussit, c. à d. si la Porte accorde aux Serbes le privilège de se gouverner eux-mêmes, sous les deux obligations: de payer un tribut irrévocablement déterminé, et de défendre, comme sujets turcs, la cause de cet empire contre ses ennemis, notre cour aura gain de cause en faveur des opprimés et tout l'honneur aux yeux de l'Europe lui en reviendra, comme de raison. Dans le cas contraire, elle les abandonne à leur sort, étant sensée d'avoir fait tout ce que lui imposaient son humanité et sa religion. En un mot, elle ne se compromet d'aucun côté.

6) Dans le premier cas,—qui, cependant, est peu probable, vu que le Divan ne possède pas assez de sagesse et de froideur, pour préférer l'unique parti avan-

однажды навсегда определенную, и защищать, въ случаѣ нужды, какъ подданная Турціи, имперію отъ непріятелей, то русское правительство достигло своей цѣли — освобожденія Сербіи, и вся честь этого дѣла, въ глазахъ Европы, принадлежать будетъ ему. Въ противномъ же случаѣ оно оставляетъ сербовъ на произволъ ихъ собственной судьбы, имѣя полное право сказать, что сдѣлало съ своей стороны все, что требовало человеколюбіе и религія. Словомъ, ни въ какомъ разѣ оно себя не уронить.

Въ первомъ случаѣ, который, однакожъ, мало вѣроятенъ, судя по недостатку въ турецкомъ правительствѣ того благоразумія и сдержанности, которыя должны были бы заставить его рѣшиться на единственный выгодный для него, въ настоящихъ обстоятельствахъ, шагъ, — полное освобожденіе Сербіи совершится постепенно, незамѣтнымъ образомъ: съ одной стороны просвѣщеніе, которое необходимо начнется въ Сербіи послѣ дарованія ему самоуправленія, а съ другой неминуемый упадокъ могущества Порты сами собою будутъ къ тому содѣйствовать.

Въ случаѣ же отказа Порты на прошеніе сербовъ, возстаніе быстро распространяется и достигаетъ грозныхъ размѣровъ. Вzbунтовавшимися пашамъ, которыхъ удерживали только славянскія племена, дадутъ полную волю дѣйствовать; могучему Пасванъ-Оглу помогутъ даже подойти къ Стамбулу. Боснія не замедлитъ присоединиться къ Сербіи, какъ единокровная и едиоязычная, а отчасти даже и единовѣрная,

tageux à prendre dans ses propres circonstances, — l'affranchissement des Serbes se fera dans son tems, par degrés presque insensibles: leur civilisation, qui, dans leur état de tributaires, va commencer immanquablement, d'un côté, — et la chute progressive de l'Empire turc de l'autre, contribueront le plus à le préparer.

Dans le cas de refus du privilege demandé, l'insurrection, se repandant de tous côtés d'une manière rapide, prendra l'aspect le plus imposant. On laissera faire les Pachas revoltés, qui ont été jusqu'ici contenus uniquement par les tribus Slaves. On facilitera même au puissant Paswan-Oglou l'approche du Stamboul. La Bosnie ne tardera pas à se joindre à la Serbie, vû l'identité de l'origine et du langage, en partie aussi celle de religion (car presque deux tiérs des Bosniaks sont encore restés chrétiens); mais on doit compter le plus sur le mécontentement et sur le mépris général dans lesquels le gouvernement turc est tombé dans toutes ses domaines.

Non, jamais le temps n'a été et ne pourra être plus favorable à cette entreprise, qui, sans produire des secousses funestes aux états civilisés de l'Europe, et presque sans effusion de sang, conservant même l'existence, quoique précaire, de l'Empire turc, va fonder, dans 5 ou 10 années d'ici, un royaume Slave pour y placer sur le trône un des augustes frères d'Alexandre! Il semble que la Providence y a déjà tout préparé. Je ne parle même plus de l'absence presque

ибо двѣ трети Босняковъ остались христіанами. Но главнѣйшая надежда будетъ на проявляющееся уже, во всѣхъ частяхъ турецкаго царства, недовольство правленіемъ, и на общее къ нему презрѣніе.

Нѣтъ, никогда время не было и не можетъ быть благоприятнѣе для выполненія подобнаго предпріятія, и можно сказать навѣрно, что не пройдетъ 10-ти, или даже только и 5-ти лѣтъ, какъ, безъ всякихъ потрясеній, гибельныхъ для образованныхъ государствъ Европы, и почти безъ кровопролитія, съ сохраненіемъ притомъ даже нужнаго еще пока призрака турецкой имперіи, возникнетъ славянское царство, на престолъ котораго возсядетъ одинъ изъ августѣйшихъ братьевъ Александра. Провидѣніе какъ будто все уже къ тому приготовило. Не стану говорить объ отсутствіи, почти совершенномъ, препятствій,—отсутствіи очевидномъ для всякаго, кто только, не будучи посвященъ въ тайны дипломатіи, рассуждаетъ хотя нѣсколько о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Но позволю себѣ только, избѣгая всякой рѣчи о политикѣ, спросить васъ, свѣтлѣйшій князь, что соединяетъ людей въ одно цѣлое, способное составить изъ себя государство? Не мнѣніе ли, не убѣжденіе ли этихъ людей? Не оно ли поддерживаетъ властителей на престолахъ? Не ему ли прилично болѣе всего названіе силы, одерживающей побѣды? Отнимите убѣжденіе, заставляющее повиноваться начальникамъ — и громадная власть, только-что повелѣвавшая необъятнымъ пространствомъ, мгновенно рухнетъ! А это мнѣніе, это убѣжденіе уже существуетъ въ

totale des obstacles: elle est palpable à tout homme, qui, sans être initié dans les mystères des cabinets, aura un peu réfléchi sur les affaires présentes de l'Europe. Mais, abrégeant toute discussion politique, je me permettrai seulement de Vous demander, mon Prince: qu'est-ce qui lie les individus d'un Etat de manière à leur donner une existence collective? N'est-ce pas l'opinion, la conviction? N'est-ce pas elle qui soutient les gouvernements et les trônes? N'est-ce pas à elle que convient le plus le nom de force, quand elle réside dans les corporations armées? Otez la conviction, qui fait exécuter les volontés des chefs, et l'appareil formidable, qui naguères dominait le pays, tombe soudainement!... Or cette opinion, cette conviction existe déjà dans les tribus toutes armées des Slaves: elle n'attend qu'un centre pour s'y réunir.

3.

Je ne prends pas sur moi, je n'essayerai même pas d'esquisser toutes les suites de l'affranchissement des Slaves. Mais voici quelques traits qui se présentent d'elles mêmes sans approfondir le sujet.

Le royaume des Slaves (Царство Словенъ) pourra occuper, avec le tems, tous les pays, baignés par la mer Adriatique, à sa droite, et s'étendant de l'Albanie à la partie septentrionale de la Macédoine, de là, le long des frontières de la Valachie, jusqu'à la rivière Maroch; comprendra aussi le Banat, la Sir-

племенахъ славянскихъ, поднявшихъ оружіе: они ждутъ только центра, къ которому бы все применило.

3.

Не беру на себя, не имѣю даже претензіи на описаніе, хотя въ краткомъ очеркѣ, будущности, которая ожидаетъ славянъ послѣ ихъ освобожденія. Но не могу не набросать главныхъ чертъ, представляющихся воображенію при самомъ поверхностномъ даже размысленіи. Царство Славянъ должно занять, современемъ, всѣ земли, прилегающія къ восточному берегу Адриатическаго моря, начиная отъ Албаніи и идя по сѣверной части Македоніи, вдоль границъ Валахіи, до рѣки Марохъ; въ него войдутъ: и Банатъ, и Сирмія, и часть Венгріи, и Австрійская Славонія, и Кроація, вплоть до сказаннаго моря. Но какъ опредѣлить географическія границы, среди восторга, который меня обнимаетъ! Я вижу уже, какъ густыя переселенія славянскихъ народовъ, увлеченныхъ однимъ именемъ своего царства, стекаются со всѣхъ сторонъ и занимаютъ даже пустыни; вижу, какъ это царство, достигшее въ короткое время благоденствія и просвѣщенія и ставшее вѣрной союзницей Россіи, родной ему и по крови и по вѣрѣ, любимой имъ по чувству признательности, мѣняется уже съ нею своими произведениями, служить ей точкой опоры во всѣхъ ея предпріятіяхъ, во всѣхъ ея сношеніяхъ съ южной и западной Европой, а также съ Африкой. Пресытившись вскорѣ славой; достигши обширныхъ размѣровъ, оно занялось все устройствомъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Торговля и

mie, une partie de la Hongrie, la Slavonie autrichienne et la Croatie, inclusivement jusqu'à la mer nommée. Mais les commotions de l'enthousiasme ne reconnaissent point de limites géographiques: bientôt le charme irrésistible du nom seul de cette belle région, entraînant des émigrations des tribus Slaves qui habitent plus loin, elles viennent peupler ses parties encore désertes, et ce royaume, dans peu florissant et civilisé, attaché à l'Empire de Russie par les liens du culte, de la consanguinité et de la reconnaissance, devient son entrepôt et son point d'appui naturel dans toutes les entreprises, dans toutes les relations avec l'Europe, ainsi qu'avec l'Afrique. Sous peu l'immense Empire, rassasié de gloire, n'a plus en perspective que la culture, tant physique que morale, de son intérieur. Le commerce des lumières et des choses devient surtout le mobile d'activité de ses provinces méridionales, qui, sans doute, auront sous ce rapport plus à offrir et à gagner avec un Etat monarchique, gouverné par des lois stables qui permettent à un chacun de jouir pleinement de son existence et de son bien-être, qu'avec un empire despotique et barbare, qui lui est entièrement étranger et dont le gouvernement abhorre tout progrès de civilisation et craint les suites des liaisons les plus naturelles aux peuples; gouvernement, qui rend inutiles et à peu près non existents pour l'Europe son sol,

науки дѣлаются достояніемъ особенно южныхъ его частей, выгоды которыхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, влекутъ ихъ скорѣе къ державѣ монархической, управляемой непремѣнными законами, дающими всякому право наслаждаться вполне жизнію, чѣмъ къ державѣ деспотической, совершенно для нихъ чуждой, и гдѣ варварское правительство, нетерпящее успѣховъ просвѣщенія и боящееся послѣдствій самихъ естественныхъ международныхъ союзовъ, дѣлаетъ безполезными, какъ-бы вовсе несуществующими для Европы, плодороднѣйшую въ свѣтѣ почву и климатъ, превосходящій, во многихъ отношеніяхъ, благорастворенностію своею всѣ другіе климаты Европы.

Съ другой стороны, соображая событія христіанской церкви, видится мнѣ, что ученіе Спасителя воспринимаетъ чистое и величественное свое владычество. Какое вліяніе окажетъ оно въ странѣ, гдѣ, втеченіи столѣтнихъ вѣковъ, оно было единственной охраной противъ несправимаго варварства, служило единственнымъ утѣшеніемъ въ бѣдственномъ, и гражданскомъ и домашнемъ, состояніи жителей! О! конечно, божественное это ученіе будетъ всею своею силою дѣйствовать на неиспорченныя еще ложною философіею и ложною политикою сердца. Преподаваемое по истиннымъ его началамъ, вспомошествоваемое мудрыми учрежденіями гражданскими и охраняемое добродѣтельною властію, какой народъ оно образуетъ! Въ упоеніи восторга я вижу этотъ народъ, столь способный еще быть управляемымъ чувствомъ моральнымъ, несуществующимъ уже, увы! для насъ,—полный характера и энергіи, которымъ мы принуждены удивляться уже только въ исторіи,—вижу этотъ народъ, не болѣе какъ

le plus fertile, et son climat, qui, à plusieurs égards, surpassasse en bonté celui des meilleurs pays de cette partie du monde.

D'un autre côté, concluant de ce qui s'est passé jusqu'ici dans le monde chrétien, il est facile de prédire que sa religion va se relever partout plus pure, plus majestueuse que jamais. Quelle influence ne doit-elle pas produire dans un pays, dont elle a été pendant des siècles la seule sauvegarde contre une barbarie sans retour, pour qui elle seule a servi de guide et de consolation dans l'état déplorable, tant civil que domestique de ses habitants! Oh, sans doute cette divine religion agira dans toute sa force sur des cœurs simples encore et non-corrompus par les ravages d'une fausse philosophie et d'une fausse politique. Enseignée selon ses vrais principes, secondée par des sages institutions et par un prince vertueux, quel peuple ne doit-elle pas former! Je tréssaille de bonheur en voyant déjà, ce peuple, si propre encore à être guidé par le sens moral, qui n'existe plus pour nous autres, plein de caractère et d'énergie, que nous sommes réduits à n'admirer que dans l'histoire, —devenir, dans deux ou trois générations tout au plus, le peuple le plus véritablement éclairé et par conséquent le plus fortuné de la terre!... B. Karasine.

27 de Novembre 1804. St.-Petersbourg.

послѣ двухъ поколѣній, истинно-просвѣщеннымъ и слѣдовательно истинно счастливымъ на землѣ!...

27-го ноября 1804 г. С.-Петербургъ.

II.

Идея 1803 или 1804 годовъ, или 1801 еще, но написана когда я занимался Сербами въ 1804 году *).

Народъ, охранительный сенатъ, государь, министры. Государь, предлагающій только проекты законовъ и министерскіе годичные отчеты охранительному сенату; впрочемъ дѣйствующій неограниченно.

Охранительный сенатъ, по опредѣленію ²/₃ можетъ посылать ему свои замѣчанія, по опредѣленію ³/₄ остановить его дѣйствія общаго народоустройствомъ оныхъ. Присяга сообразуется сей постепенности: народъ, сенатъ, государь. Въ присягу вонновъ включается обязательство въ тому относительное, т. е. полагающее предѣлы повиновенію.

Министры: внутренняго благоустройства, внѣшнихъ сношеній, военныхъ дѣлъ, государственнаго хозяйства. Министръ внутренняго благоустройства долженъ быть духовная особа; прочіе могутъ быть, разумѣется кромѣ военныхъ дѣлъ.

Верховное разсмотрѣніе тяжбныхъ частныхъ дѣлъ (въ рѣдкихъ случаяхъ могущее встрѣтиться) и разсмотрѣніе тяжбныхъ дѣлъ между казною и частнымъ человекомъ, можетъ быть поручено сословіямъ для сего учреждаемымъ изъ охранительнаго сената и по его опредѣленіямъ. Избранное сословіе назначаетъ себѣ, по жребію, президента, имѣющаго преимущество только ограниченное, и въ одномъ семъ отношеніи. Тоже самое и во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, которыя могутъ вчинаться по извѣтамъ чиновниковъ, подвѣдомственныхъ министру внутренняго благоустройства, или по частнымъ жалобамъ. Государь на охранительный сенатъ не имѣетъ никакого вліянія. Присутственныхъ **) мѣстъ одинъ только родъ, и три постепенности: уѣздныя, областныя (или губернскія) и временныя собранія сената. Въ каждомъ селеніи сверхъ того должность примирителей отправляютъ священники.

Гражданъ десять разрядовъ, или постепенностей. Они избираютъ членовъ охранительнаго сената и судей. Гражданинъ вступаетъ въ свои

*) Эта идея набросана В. Н. Каразиннымъ на небольшомъ клочкѣ бумаги, безъ сомнѣнія только какъ тема, для особаго сочиненія, котораго, однакожъ, въ фамильныхъ бумагахъ Каразинныхъ не сохранилось.

**) Т.-е. судебныхъ.

права на 21 году. Члены охранительнаго сената принадлежать къ первому разряду, немедленно по своемъ избраніи, равно и министры; ко второму военачальники, государственный казначей, блюстители надъ просвѣщеніемъ (кои составляютъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ министра внутренняго благоустройства), и прочіе.

III.

Записка, читанная въ императорскомъ московскомъ обществѣ естествоиспытателей дѣйствительнымъ членомъ оного, В. Н. Каразинымъ, 15-го марта 1810 года.

Несмотря на быстрые успѣхи, въ нашъ вѣкъ, естественныхъ наукъ, одна изъ частей физики остается до сихъ поръ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ была во времена Аристотелевы. Это метеорологія. Занимались ею, правда, многіе ученые: труды Сосюра, Де-Люка, Котта, Ламарка, имѣютъ право на нашу благодарность; это маяки, разсѣянные во мракѣ ночи, скрывающей отъ насъ тайны природы въ явленіяхъ воздушныхъ. Но нѣтъ до нынѣ ни одного по этому предмету сочиненія, изъ котораго можно было бы извлечь пользу безусловную и прямую. Вы, мм. гг., не отнесете, надѣюсь, словъ моихъ къ безумному желанію унижить знаменитыя имена. Вы согласитесь, конечно, что не столько открытіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ истинъ, сколько общій выводъ изъ нихъ; не столько теоріи, сколько удачныя приложенія ихъ къ дѣлу, составляютъ эпохи въ исторіи людей и наукъ.

Не имѣю надобности, передъ такими слушателями, доказывать пользу метеорологіи, приведенной въ правила. Наука, которая бы, руководя земледѣльца въ его работахъ, предотвращала неурожаи; наука, которая видимо содѣйствовала бы развитію торговли, мореплаванія и военнаго искусства; наука, наконецъ, которая могла бы указывать правительству время когда должно ожидать скудныхъ сборовъ земныхъ произрастеній и принимать мѣры, сли не къ воспрепятствованію ихъ недостатка, то по крайней мѣрѣ къ отклоненію голода,—такая наука не требуетъ многорѣчивыхъ похвалъ. Но чтобъ метеорологія достигла до степени такой науки, до степени науки точной, нужны нѣкоторые приемы, указаніе на которые и составляетъ предметъ настоящей моей записки.

Человѣкъ не можетъ, конечно, дойти до первоначальныхъ причинъ безчисленныхъ явленій въ природѣ; до тѣхъ причинъ, которыя, безъ сомнѣнія, изумили бы насъ своею простотою, еслибъ мы ихъ открыли,

и которыя показали бы всю ничтожность нашего разума. Познаніе этихъ причинъ Творецъ предоставилъ себѣ. Напрасно стали бы мы, напри-
мѣръ, доискиваться до сущности центробѣжной и центростремитель-
ной силы, движущей все въ природѣ. Всѣ наши объ этомъ догадки
будутъ только пустыя слова, неудовлетворяющіе нисколько рассу-
дка нашего: *sunt verba et voces, praeeteraque nihil!*

Но намъ позволено искать причинъ второстепенныхъ и выводить
изъ нихъ правила, которыя бы служили на пользу общественную. Та-
кимъ образомъ, напримѣръ, правила употребленія магнита привели
насъ къ возможности безбоязненно переплывать океаны и огнать
земной шаръ; правила сосредоточенія электричества обезпечили насъ
отъ громовыхъ ударовъ, которые прежде считались неотразимыми и
предоставлялись волѣ Божіей.

Недойдемъ мы, вѣроятно, никогда и до познанія первоначаль-
ныхъ причинъ атмосферическихъ переменъ, познанія, которое бы
дало намъ возможность производить ихъ по нашему произволу. Но
должны-ли мы отчаяваться дойти до второстепенныхъ причинъ этихъ
переменъ, узнать способы направлять ихъ на свою пользу и отвра-
щать возможный ихъ вредъ? Не руководствуется-ли уже и теперь
земледѣлецъ,—по одному только преданію и навыку, что такой-то
вѣтеръ приноситъ дождь, а такой-то полетъ ласточекъ предвѣщаетъ
вѣдро,—этими признаками въ своихъ работахъ?

Собраніе такихъ признаковъ, соединенное съ научными изслѣдо-
ваніями, при помощи физическихъ инструментовъ, не было до сихъ
поръ производимо въ достаточной степени, чтобъ составить сводъ
правилъ. Разрозненность, малочисленность, неодновременность и не-
точность наблюденій причиною тому. Если справедливо, что наблюденіе,
въ научномъ смыслѣ, должно быть непремѣнно всестороннее разсмо-
трѣніе предмета; что даже нѣсколько наблюденій тогда только могутъ
привести къ желаемымъ результатамъ, когда они обняли все про-
странство созерцаемаго явленія, то какое множество наблюденій долж-
но быть дѣлаемо для изслѣдованія явленій, происходящихъ на про-
странствѣ всего земнаго шара! Чтò тутъ значить одинъ человекъ?
Какую частицу цѣлаго можетъ онъ обнять? Слѣдовательно, если до
сихъ поръ мы имѣемъ только гадательныя понятія о воздушныхъ пе-
ремѣнахъ, то приписывать это должно не слабости средствъ нашихъ,
а недостаточному только употребленію ихъ. Земля въ нашихъ рукахъ.
Намъ свойственно распознавать все, что поражаетъ наши чувства. Не-
обходимо только соединить, наши силы. Всѣ частныя наблюденія,
еслибъ даже ихъ производили ученѣйшіе и неутомимѣйшіе люди, не
приведутъ ни къ какимъ результатамъ; они умножатъ только, можетъ

быть, нѣсколькими свѣтлыми идеями массу нашихъ познаній, возбуждать наше любопытство и заставлять воображеніе наше строить разныя остроумныя гипотезы, но не дадутъ намъ данныхъ для вывода точныхъ правилъ.

Въ астрономіи мы видимъ уже пользу отъ постоянныхъ и связанныхъ наблюдений. Нельзя не желать, чтобъ подобныя же наблюденія были удѣломъ и метеорологіи. И какая страна, мм. гг., представляеть столько, какъ наше отечество, средствъ къ тому?

Пространство Россіи, занимающей чуть не шестую часть всей обитаемой поверхности земнаго шара; уѣздныя училища, находящіяся въ разныхъ ея пунктахъ, отъ Колы до Тифлиса, и отъ Либавы до Нижнекамчатска; подчиненіе сихъ училищъ одному начальству и обязанность ихъ имѣть у себя физическіе инструменты, — все это общааетъ наблюденіямъ, производимымъ постоянно и разумно, счастливые результаты.

Для облегченія наблюдателей, можно не обязывать ихъ сноситься письменно самими съ ихъ собратьями; довольно если все записываемое будутъ они присылать, въ подлинникѣ, въ какое-нибудь общество ученыхъ, которые займутся уже выводомъ правилъ. Отъ времени до времени можно дѣлать, непозначай, повѣрку наблюдений на мѣстахъ и поощрять наградами особенную исправность. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ скоро такія мѣры будутъ у насъ приняты и неустанно исполняемы хотя только одинъ годъ, то ученныя общества всего земнаго шара, узнавъ о нихъ, не преминутъ принять участіе. Командиры судовъ дальнаго плаванія будутъ также содѣйствовать своими наблюденіями. Таблицы, повсюду единообразно составляемыя, приведутъ къ разрѣшенію задачъ тѣмъ болѣе не трудному, что въ нихъ не будетъ данныхъ неизвѣстныхъ.

Дѣйствительно, причинъ скрытыхъ не можетъ быть въ перемѣнахъ нашей атмосферы *). Мы теперь не вѣримъ уже, какъ вѣрили наши предки, въ таинственное управленіе небесныхъ свѣтилъ нашими временами года. Все, не исключая дѣйствія свѣта на разныхъ точкахъ земли, можетъ быть математически опредѣлено; потребны только данныя къ тому. Можетъ быть я ошибаюсь, мм. гг., но я увѣренъ, что если мы будемъ изслѣдовать ближайшія причины атмосферическихъ явленій: если будемъ дѣлать сравненія, въ разные времена года и въ разныхъ точкахъ земнаго шара, направленія вѣтровъ, измѣненій маг-

*) Признаюсь, что, говоря въ строгомъ смыслѣ, я ошибся: мнѣ не пришла на мысль подземныя волненія, вліяющія, при горныхъ изверженіяхъ, на движеніе и электричество атмосферы. Но этимъ, кажется и ограничиваются исключенія; да и то, современемъ, придемъ мы, можетъ быть, къ возможности наблюдать причины и этихъ волненій. Примѣчаніе В. Н. Каразина при печатаніи записки въ 1812 году.

нитной стрѣлки, тяжести воздуха и количества въ немъ электричества; если будемъ сопоставлять періодическія пережѣны погоды съ неперіодическими, которыя однакожъ должны бы имѣть также нѣкую правильность, безъ вліянія какихъ-нибудь постороннихъ причинъ; если будемъ принимать въ расчетъ возвышенность наблюдательныхъ пунктовъ надъ уровнемъ моря, состояніе ихъ почвы, лѣсной-ли, степной-ли, болотистой-ли, каменистой-ли, песчаной-ли, солонцоватой-ли и т. д.; если будемъ обращать вниманіе на дѣйствіе солнечныхъ лучей при различномъ ихъ отраженіи и рефракціи,—то мы дойдемъ до теоріи неподверженной сомнѣнію, которая и дастъ намъ возможность предсказывать погоду на данное время года, и на данное мѣсто за цѣлый годъ впередъ, съ такою же покрайней мѣрѣ точностію, какъ теперь предсказываемъ дождь за день впередъ по пониженію барометра въ данной мѣстности.

Удерживаюсь отъ болѣе подробнаго и болѣе научнаго развитія моей мысли. И это не безъ причины. Если она удостоится вашего, мм. гг., одобренія, то я буду просить назначить особую комиссію для спеціальнаго обсужденія этого предмета и составленія доклада нашему именитому президенту, отъ содѣйствія котораго болѣе всего зависитъ успѣхъ. Этимъ и кончу мою записку, въ надеждѣ, что вы изволите принять ее только какъ посылную мою дань на преуспѣяніе естественныхъ наукъ. В. Каразинъ.

Примѣчаніе. Послѣ этой записки авторъ хлопоталъ, въ продолженіи болѣе тридцати лѣтъ, объ устройствѣ, въ пространной Россіи, метеорологическихъ обсерваторій, обращая вниманіе на необходимость наблюденій надъ электричествомъ преимущественно въ высшихъ слояхъ атмосферы, для чего были придуманы имъ особаго устройства аэростаты, которые должны были держаться на разныхъ высотахъ и сообщаться съ землею посредствомъ металлическихъ проводниковъ съ надлежащими указателями (какъ объяснено имъ въ разныхъ запискахъ, которые явятся также въ «Русской Старинѣ»). И въ послѣдній годъ его жизни онъ имѣлъ уже полную надежду на приведеніе своей мысли въ исполненіе, но неожиданная смерть, постигшая его въ 1842 году, все приостановила. Ал. Гумбольдтъ, въ бытность свою въ Москвѣ, вполне сочувствовалъ этой мысли и общалъ свое содѣйствіе за-границей; но какой имѣло это результатъ,—мнѣ неизвѣстно. У насъ, послѣдствіемъ идеи В. Н. о возможности примѣнять метеорологію къ пользамъ домоводства были такіе: 14 лѣтъ спустя послѣ перваго заявленія этой идеи, гр. Аракчеевъ, проѣзжая черезъ г. Богодуховъ (Харьковск. губ.) сказалъ мужичкамъ, просившимъ о помощи, по случаю неурожая: «странно, что вы голодаете: подъ бокомъ у васъ живетъ колдунъ, который сводитъ съ небесъ дождь и громъ когда захочетъ; обратитесь къ нему». 44 года спустя, К. А. Полевой, въ одной газетной статьѣ, подобнымъ же образомъ поднялъ В. Н. на смѣхъ, какъ проектера фабрикаціи атмосферы. Любопытно знать, что скажутъ теперь, 60 лѣтъ спустя, и въ виду тѣхъ предсказаній погодъ, которыя уже дѣлаются за границей въ охрану мореплавателей.

Ф. В. Каразинъ.